

# В. ВВЕДЕНСКИЙ

## Мертвый час

Романы об эпохе зарождения русской криминалистики



# Валерий Введенский

## Мертвый час

Серия «Александра Тарусова», книга 2

*Текст предоставлен правообладателем*

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=11788277](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11788277)*

*Введенский, Валерий Владимирович. Мертвый час: Издательство «Э»;*

*Москва; 2015*

*ISBN 978-5-699-83444-0*

### Аннотация

Жена известного адвоката Александра Ильинична Тарусова, уставшая от столичной суеты, приезжает в курортный Ораниенбаум на отдых. Волею случая она становится свидетельницей ограбления соседской дачи графа Волобуева. Тем временем в Москве обнаружен труп известной актрисы Красовской, спрятанный в сундуке со сценическими платьями. Полиция никакой связи между этими преступлениями не прослеживает. Однако Тарусова совершенно случайно узнает, что в прошлом году в Ораниенбауме трагически погиб муж Красовской. А приезжал он туда на свадьбу дочери графа Волобуева...

# Содержание

Пролог	5
Глава первая	25
Глава вторая	44
Глава третья	62
Глава четвертая	79
Глава пятая	103
Глава шестая	136
Конец ознакомительного фрагмента.	141

# Валерий Введенский

## Мертвый час

*Памяти родителей*

*Автор благодарит Ивана Скобеева и Наталью  
Мирскую за помощь, поправки и замечания*

© Введенский В., текст, 2015

© Асадчева Е., иллюстрации, 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2015

# Пролог

Путь из третьего Парголова, где начальник сыскной полиции Иван Дмитриевич Крутилин снимал для семьи дачу, до Большой Морской неблизок, потому по понедельникам, после единственного выходного, он приезжал в сыскное лишь к одиннадцати. А десятого августа 1870 года и вовсе явился в двенадцать – лошадь по дороге потеряла подкову, пришлось менять пролетку. Поприветствовав немногочисленный штат, Крутилин уединился в кабинете, чтоб ознакомиться с бумагами, поступившими от обер-полицмейстера.

Всем известно, что найденная подкова к удаче, а потерянная – наоборот. Примета сия не преминула сбыться. Сверху в папке лежала телеграмма с грозной резолюцией: «Принять меры к отысканию убийцы». Крутилин пробежался по строчкам и в сердцах отбросил депешу на самый край огромного стола.

Этого еще не хватало!

Крикнул, чтоб принесли чай, нервным движением протер очки, потом, не вставая, дотянулся до телеграммы и перечитал. На сей раз вдумчиво, медленно, даже не по слогам – по буквам.

Депеша изобиловала тчк, зпт, отсутствием предлогов и связующих частиц. Для ее дешифровки требуется особый навык, потому оригинальный текст опустим, изложим суть:

в минувшую субботу на Николаевском вокзале Москвы<sup>1</sup> носильщик Мелентьев, перенося сундук, почувствовал характерный тошнотворный запах. Он сообщил о том кладовщику, тот вызвал полицейского. С разрешения одного сундук вскрыли и обнаружили внутри полуразложившийся женский труп, прикрытый платьями.

Получательница багажа, крестьянка Маланья Варфоломеева, опознала в покойной свою хозяйку Екатерину Мызникову, из дворян, известную театрам под сценическим псевдонимом Красовская. Причиной смерти актрисы стала огнестрельная рана от револьверной пули сорок четвертого калибра. Сундук был сдан самой Варфоломеевой двадцать пятого июля на петербургском Николаевском вокзале<sup>2</sup>, прибыл в Москву двадцать седьмого и тогда же оставлен на временное хранение.

Иван Дмитриевич посчитал на пальцах. Однако! Шестнадцать дней прошло.

– Кажись, поторопился Федор Федорович с резолюцией, – сказал он себе. – Не наше это дело. Пущай москвичи расхлебывают. Вот ведь орлы. Лишь бы от себя отпихнуть. Нет, господин судебный следователь Барбасов (так была подписана телеграмма), не выйдет у вас сей фокус. Где сядете, там и слезете. Что-что говорите? Сундук в Питере сдали? А есть доказательства, что актрисульку именно тут пристрелили?

---

<sup>1</sup> Ныне Ленинградский.

<sup>2</sup> Ныне Московский.

Вдруг по дороге? Или в вашей Москве? Молчите? Что? Что? Ах, труп у вас сильно разложился. А про жару, батенька, позабыли? Зря! Больше месяца уже стоит. Мой вам совет, голубчик Барбасов: не тратьте казенные деньги на глупые телеграммки. Допросите-ка лучше эту Варфоломееву постройже да поподробней. Наверняка причастна. Наверняка!

Одержав воображаемую победу над провинциальным следователем, Крутилин со спокойной душой отложил телеграмму. Но, взяв из папки следующий листок, понял, что обер-полицмейстер грозную резолюцию наложил не с бухты-барахты, а следователь Барбасов дело свое знает и в советах Крутилина не нуждается: сразу после обнаружения страшной находки он задержал Маланью Варфоломееву, провел допрос и успел выслать с курьерским копию его протокола в Петербург.

Снова изложим суть: Маланья Варфоломеева, тридцати одного года, служила у Красовской более пяти лет. Последний раз хозяйку свою видела вечером 24 июля, после последнего в Петербурге спектакля. Следующее представление частной труппы антрепренера Кораллова, в которой Красовская числилась, должно было состояться лишь через две недели на ярмарке в Нижнем Новгороде. Паузу в гастрольях актриса собиралась заполнить следующим образом: сначала посещением московской подруги, от нее отправиться в Курскую губернию, в имение, доставшееся актрисе после кончины супруга, оттуда обратно в Москву и уже из Перво-

престольной по чугунке<sup>3</sup> в Нижний. Перевозить свои сценические костюмы вместе с декорациями Красовская-Мызникова не позволила: вдруг потеряют или попортят? Поэтому после спектакля Маланья их собрала, уложила в злосчастный сундук и перевезла из Озерков, где выступала труппа, в двухэтажный флигель по адресу: Артиллерийская улица, дом три, который на время гастролей снимала актриса.

Упоминание Озерков освежило память. Иван Дмитриевич припомнил, что Красовскую видел лично. Супруга его, Прасковья Матвеевна, изнывавшая от дачной скуки, в одно из воскресений потащила Крутилина в театр, где, помимо прочего, играли отрывки из «Гамлета»<sup>4</sup>. Начальник сысской остался в недоумении: почему Офелию, юную девочку, играла дама этак под пятьдесят, а вот Гертруду, мать Гамлета, молоденькая барышня? После представления Прасковья Матвеевна попыталась втолковать мужу, что возраст в театре не важен, главное – талант, а его у Красовской-Офелии хоть отбавляй, но Крутилин не переубедился. По сей день считал, что тем актрискам надо было обмениваться ролями.

Задержавшись на прощальном банкете, Красовская вер-

---

<sup>3</sup> Железная дорога.

<sup>4</sup> До середины 70-х годов XIX века играть пьесу целиком имели право лишь государственные труппы. Частные на своих спектаклях были вынуждены играть отрывки из разных произведений.



нулась во флигель около одиннадцати вечера, приказала Маланье подать в спальню фрукты и бутылку бургундского, а затем велела служанке удалиться из дома на всю ночь.

Сей факт так удивил Барбасова, что он с предельной дошностью выпросил у Варфоломеевой подробности. По словам Маланьи, хозяйка ее правил была строгих. Поклонникам и воздыхателям лишь улыбалась, с мужем жила душа в душу, ссорилась с ним, лишь когда тот намулындится<sup>5</sup>. И как в воду глядела – прошлым летом барин по пьяни утонул. В трауре Красовская блюла себя еще строже, даже на сцену выходила с плерезами<sup>6</sup>, а ухажеров по-прежнему не подпускала. Однако, приехав в июне в Петербург, неожиданно отказалась проживать вместе с трупой в меблированных комнатах. Жилье подобрала и оплачивала сама, остановив выбор на двухэтажном флигеле с отдельным входом, в котором два раза в неделю ее посещал мужчина. Как его звали, Маланья не знает – ни разу не видела – Красовская перед свиданиями (они всегда происходили днем) отсылала ее, иногда с поручениями, иногда без. Всегда по возвращении Маланья находила в спальне хозяйки смятую постель, пустую бутылку из-под бургундского или шабли, два использованных бокала и пепельницу с сигарным окурком.

Но на ночь ее отослали один-единственный раз – 24 июля.

---

<sup>5</sup> Напьется (*простореч.*).

<sup>6</sup> Легко спарываемые нашивки белого цвета на рукава и воротник, носили их в знак траура.

Получив от хозяйки полтора рубля на ночлег в меблированных комнатах, Маланья распорядилась ими по-своему: полтинник оставила на извозчика, а рубль истратила в ближайшем трактире: накупила селедок, фунт вареной колбасы, пирогов с печенкой да полуштоф<sup>7</sup> столового вина<sup>8</sup> для себя и милого дружка, ломового извозчика Дорофея Любого. Приглянулся он ей сразу по приезде в Петербург, когда вещи с вокзала перевозил. О сурьезных отношениях речь не шла, где-то в Калужской у Дорофея имелась жена с тремя детишками, да и у самой Маланьи обзаконенный супруг наличествовал. Все пять лет, что провела в услужении у Красовской, ни разу его не видала, потому была не прочь попутаться с Дорофеем, он с ней тоже.

Приехав неожиданно-негаданно к полюбовнику, Маланья обнаружила в его комнатухе развеселую компанию: двух приятелей-ломовиков, одного гужбана<sup>9</sup> и четырех прачек с соседней улицы. Конечно, не так она представляла себе прощальную ночь, когда, прижав к груди пироги с водкой, летела к дружку на извозчике. Однако деваться было некуда, потому ревностной обиды своей не предъявила, просто присоединилась к компании. Гуляли до самого утра: завтрашняя суббота по причине праздника, Успения Богородицы, была нерабочей. Проводив гостей в семь утра, Дорофей с Мала-

---

<sup>7</sup> Бутылка емкостью 0,6 литра.

<sup>8</sup> Водка.

<sup>9</sup> Легковые извозчики, перевозившие пассажиров.

нней рухнули на кровать без чувств и задрыхли.

Проснулась Варфоломеева от грохота адмиралтейской пушки. «Господи, 12 утра! Ей же барыню одевать». Та с самого утра собиралась отправиться с прощальными визитами. Уже через минуту Маланья мчалась в пролетке. Добралась в пять минут, а барыни-то дома и нет. Хорошо, у Варфоломеевой ключ был, не то пришлось бы в окно лезть, благо в спальне актрисы оно было открыто. Войдя во флигель, Маланья поднялась на второй этаж. Постель не разобрана, вино и фрукты нетронуты, дорожный костюм из кашемира войлочного цвета, что барыня в вагон собиралась надеть, висит в шкафу. А вот сафьянового ридикюля, в котором Красовская хранила три тысячи рублей сторублевыми купюрами, в спальне не оказалось.

Маланья призадумалась, что сие значит? Однако объяснение придумала быстро: ухажер с сигарой решил их последнее с Красовской свидание в своем жилище провести. А значит, барыня с минуты на минуту вернется.

Варфоломеева сходила за щепками, вскипятила самовар, выпила чаю. После бессонной ночи глаза слипались. Решила прилечь, всего на минутку... Вскочила в пять вечера от настойчивого стука в дверь. То Дорофей, как и было условлено, за вещами приехал. На вокзал пора.

Маланья засомневалась. Кто ж барыню переоденет? В целях экономии Красовская себе купила билет на одиннадцатичасовой курьерский, а служанке – на самый дешевый поч-

тово-пассажирский, который отходит в восемь вечера. Если и дальше ожидать хозяйку, Маланья не успеет сдать вещи в багаж. Решила ехать на вокзал. Если барыня все же вернется, переодеться ей поможет дворничиха Дуня, если нет, она же перешлет дорожный костюм в Москву.

Муж Дуни, Тимоха, сильно выпимший, потому что праздновал с самого утра, вместе с Дорофеем погрузил вещи в телегу. Злополучный сундук показался мужикам чересчур тяжелым, за что они Маланью всяческими словами отругали. Но та решила, что подшучивают, ведь, кроме сценических нарядов, ничего туда не клала. Прибыв на Николаевский вокзал, Варфоломеева сдала вещи в багаж, получила квитанции, попрощалась с Дорофеем, нашла свой вагон третьего класса, успела занять место у окошечка, притулилась к нему и снова заснула.

Курьерский летит, словно птица сапсан, аж за двадцать часов путь преодолевает и прибывает в Первопрестольную в семь пополудни. Почтово-пассажирский плетется двадцать девять часов. Потому, выехав раньше курьерского на три часа, в Москву Маланья попала гораздо позже его, в час ночи. Поручила носильщику получить из багажного вагона вещи и погрузить на извозчика. Все, кроме сундука. Его, согласно указанию хозяйки, сдала на временное хранение.

Крутилин, хлебнув кяхтинского чая, призадумался: а почему вдруг Красовская, так дорожившая сценическими костюмами, решила их на вокзале хранить? Однако быстро

отыскал резон: а зачем их взад-вперед, в Курскую и обратно, возить? Там они без надобности.

В третьем часу ночи Маланья добралась до Остоженки, где квартировала подруга Красовской, актриса Людмила Замшина, сценический псевдоним – Захаржевская. Ей долго не открывали, Варфоломеева даже взволновалась, вдруг адрес неверно запомнила? Но когда наконец заспанная кухарка впустила ее в дом, волнение Маланьи лишь усилилось. Красовская и здесь не появлялась.

Утром Маланья решила идти в полицию, чтобы заявить об исчезновении хозяйки. Однако Замшина-Захаржевская запретила сие категорически: «Катенька наконец свободная птичка. Покойный Мызников шагу ей ступить не давал, по всем гастролем таскался! Пусть хоть Катенька напоследок погуляет. Лет-то ей уже, страшно сказать. Наверняка в вагоне раззнакомилась. Небось сейчас за городом пирует, в «Яре» или «Стрельне». Не волнуйся, нагуляется – вернется».

Однако через пару дней забеспокоилась и Замшина. Дали телеграмму в курское имение, вскоре получили ответ: «Барыня не приезжала». С ним отправились в часть, но помощник пристава заявление не принял: «Делать нам, что ли, нечего, загулявших актрис разыскивать? Сама объявится».

В пятницу, 07 августа, к Замшиной неожиданно заехал антрепренер Кораллов. Она рассказала ему о таинственном исчезновении Красовской, что сильно его растревожило. За-

подозрил даже, что ведущая актриса, давно мучившая его требованием поднять жалованье, переметнулась к конкуренту. В отчаянии (первый спектакль на ярмарке уже в понедельник) Кораллов предложил Замшиной ехать в Нижний вместо Красовской. Та с радостью согласилась. И повелела Маланье привезти ей сценические костюмы для примерки.

В субботу утром Маланья отправилась за сундуком на вокзал, где и была задержана.

Иван Дмитриевич потерял руки. Чуйка, по-научному интуиция, и на сей раз его не подвела. Даже если вдруг Маланья не убийца, то точно соучастница. Хитрая какая тварь! Ловко как тело спрятала. И врет удивительно складно. Однако самоуверенна чересчур. Ей исчезнуть бы, испариться. Ан нет, полезла на рожон, задумала честное имя сохранить, непричастность свою разыграть.

«Уж я ей покажу!» – Крутилин погрозил пальцем зеркалу, к которому подошел, чтобы расчесать пышные бакенбарды.

*Покойный Николай Первый растительность на лице считал признаком вольнодумства, потому категорически запретил дворянам и чиновникам ее носить. Сын его, реформатор Александр, сей запрет несколько ослабил, дозволив бакенбарды, которыми щеголял и сам.*

Картина преступления великому сыщику была уже ясна.

После спектакля Маланье поручили перевезти сундук с костюмами из Озерков на Артиллерийскую. Кого она наняла? Конечно же, любовника. Ехали медленно, в тоске, завтра – неизбежное расставание навсегда. Дорофей осторожно спросил, много ли у барыни наличных? Маланья ответила, что куры не клюют. «Давай ее ограбим и убежим с тобой куда-нибудь далеко, где нас никто не знает. Купим трактир или постоялый двор, заживем как люди, ты мне мальчиков с девочками нарожаешь», – предложил Дорофей. Маланья колебалась, мол, поймают нас. Ломовик обнял ее, поцеловал страстно: «Не бойсь! Усе продумал. Две недели хозяйку твою искать никто не будет». Варфоломеева возразила: «А Захаржевская? А управляющий в имении?» Дорофей улыбнулся: «Телеграмму им дашь от ее имени, мол, поездка отменяется». Маланья в ответ: «Нет, Дорофейчик, нет! Подозрение на меня падет. Давай лучше так...»

И предложила свой план, который и претворили: выгрузив сундук, Дорофей спрятался в спальне. Когда туда вошла Красовская, вытащил из-за пазухи револьвер...

– Тпру! – скомандовал разогнавшимся мыслям Крутилин.

Револьвер 44-го калибра<sup>10</sup> в придуманную им картину ну никак не вписывался. Простолудин Дорофей мог жертву удавить, пырнуть ножом, оглушить кастетом, кистенем приложить... Но вот выстрелить из «кольта» или «ремингтона»,

---

<sup>10</sup> 11 мм

а именно они способны подобные дырки в теле проделать, нет, увольте. Штуки эти дорогие, не меньше пятнадцати рублей стоят. Потому российским злодеям пока не по карману. Ходят слухи, что в Штатах Североамериканских уже все разбойники такими обзавелись, но Крутилин глупым сплетням не верил: неужели заокеанские мазурики столь состоятельны?

А вдруг Дорофей офицера какого ограбил?

Предположение приободрило. Почему, собственно, нет? Но до конца не успокоило. Многолетний опыт гадко нашептывал: преступление – словно костюм от хорошего портного, должно подойти подозреваемому идеально. А ежели не налазит, ищи другого. Ухажера с сигарой. Сигары тоже не дешёвы, значит, и покупка револьвера ухажера не разорила бы.

Эх, неспроста кобыла подкову потеряла. Пакостное дело, пакостное. Красовская сделала все, чтобы сохранить ухажеру инкогнито. Где теперь его искать? Наверняка он из высших сфер. Если даже чудом каким разыщется, сыскарей на порог не пустит. «Как смеете подозревать?» Чтоб показания получить, придется обер-полицмейстера привлекать. А как эти показания проверить? В высших сферах у Крутилина осведомителей нет.

Ах, если бы не револьвер. А пусть бы и револьвер, кабы в сундуке нашелся. Самоубийства нынче в моде. Никто бы и не удивился. Но, увы, Красовская не покончила с собой – ее убили. И, вероятней всего, в ночь после последнего спектак-



ля. Потому что на трупe платье из шелка лилово-сероватого отлива, в котором актриса блистала на прощальном банкете.

Крутилин вернулся к столу, сел, положил в рот кусочек колотого сахара, покатал, пока тот не распался на крупинки, сделал глоток чая. Ух, какое дело нехорошее. Хуже и не бывает. Личность убита известная, можно сказать, знаменитая, репортеры накинутся, что мухи на экскремент. Писать им летом не о чем – затишье, все, кому кошелек позволяет, на дачах или в Крыму. Вот и будут каждый день смаковать: «Загадочное убийство все еще не раскрыто», «Труп из сундука взывает к возмездию», «Чем занята полиция?»

Кстати, а что в газетах?

Новый чиновник для поручений, Арсений Иванович Яблочков, словно ждал команду их принести. Иван Дмитриевич быстро просмотрел криминальные колонки. Шило, конечно, утаить в мешке невозможно, в каждой газете имелась маленькая заметка о том, что в Москве найдена мертвой актриса Екатерина Красовская. Но без подробностей.

«Молодец Барбасов», – проникся уважением к московскому следователю Крутилин. – И расследование провел на ура, и протокол умудрился переслать, и репортерам лишнего не сболтнул».

Яблочков деликатно кашлянул.

– Шо тебе?

Крутилин, выбившийся в надворные советники с самых низов, когда с начальниками говорил – слова подбирал, а вот

с подчиненными простецкий свой говор скрывать не пытался.

– Тимофей Саночкин, дворник с Артиллерийской, доставлен.

Крутилин нахмурил кустистые брови:

– Допрежь<sup>11</sup> меня прочел? – спросил он, указав на телеграмму.

– Простите, сдуру, – смутился под грозным взглядом Яблочков. – Курьер от обер-полицмейстера сообщил, что дело срочное, а вы, ваше высокоблагородие, задерживались. Но впредь ни-ни. Как лучше хотел...

– И впредь так поступай, – оборвал его Крутилин. – Мало ли где я задержался? Может, меня и на свете этом больше нету. Служба у нас, сам знаешь, – всякое может приключиться. А шо тебе не положено знать – в запечатанных конвертах приносят.

Окончательного мнения о Яблочкове Крутилин пока не составил. Из положительных качеств: умен, образован, с интуицией порядок (в сыщицком деле она ох как необходима), инициативен. Из отрицательных: желания Ивана Дмитриевича стремится предугадать. Что для розыска – беда. Сыскарей вечно подгоняют, начальству хочется более высокому начальству доложить о поимке убийцы-грабителя-наильника! Мол, хоть и допустили, уже исправили. Однако поспеш-

---

<sup>11</sup> Прежде (простореч.).

ность в розыске чревата. Чай, не блох ловим: которую задавил, ту и ладно. Преступника надо вычислить наверняка, иначе невинного засадишь, а истинного злодеяпустишь.

– Двоих агентов отправил за дворником, двоих за ломовиком, полюбовником Маланьи.

– Молодец, – похвалил Арсения Ивановича Крутилин. – Может, еще какие соображения имеются?

– Имеются, однако поперед целесообразно дворника с извозчиком допросить. Оба могли убить. И порознь, и вместе.

– Могли, – согласился Крутилин.

Дворника Иван Дмитриевич почему-то из виду упустил. А ведь подозрителен. Почему, интересно, пьян был с утра? На их службе злоупотребление не приветствуется. А вдруг потому, что деньгой разжился? Увидел ночью, как Варфоломеева из дома уходит, пробрался во флигель через открытое окошко, выстрелил...

Опять этот хренов револьвер. Откуда он, черт побери, у дворника?

Нет, но почему Красовскую не задушили?

Крутилин от злости сломал карандаш, который вертел в руке:

– Ты каучук не тяни. Излагай соображения.

Яблочков затараторил:

– В Нижний следует агента отправить, трупку опросить.

– Шо они могут знать? Жили от нее отдельно...

– Во-первых, личность ухажера. Наверняка и представле-

ния посещал, и цветы дарил.

– А вдруг их было несколько?

Яблочков закатил глаза. Не дай, как говорится... И продолжил:

– Во-вторых, почему именно ухажер? А вдруг кто-то из труппы Красовскую убил?

– С какой такой стати?

– Народец в театрах собран сумасшедший. Из-за выигрышной роли любую пакость друг дружке способны сделать. Даже убить.

– Шо ты говоришь, – не поверил Крутилин.

– Ей-богу, Иван Дмитриевич. Чего только актеры не вытворяют. И слабительное конкурентам подмешивают, и битое стекло в туфли запихивают...

– Откуда знаешь?

Яблочков покраснел:

– Мечтал об актерской карьере. Однако судьба распорядилась иначе.

– Жаль, актер бы из тебя вышел знатный.

В прошлую среду к Крутилину явился осведомитель. Опустившаяся личность, горюн<sup>12</sup> Степка по кличке Кобель. Пришел с обычной бедой – пропил сапоги. А сапоги для горюнов ценность исключительная. Траурные фрак и брюки им старосты выдают, а вот сапоги надо иметь свои. Про-

---

<sup>12</sup> На похоронах с фонарями в руках сопровождали катафалк.

пьешь — из горюнов вон. Что со Степкой и приключилось. Пришел он к Крутилину просить на сапоги, а взамен шепнул, что в известном трактире на Лиговке, где нищие собираются, прячется варнак<sup>13</sup> Студеный, осужденный пару лет назад за убийство и грабеж.

Трактир, кроме парадного, имел множество невоскресных<sup>14</sup> входов, потому силами сыскного его не обыскать. А чтоб полицейский резерв привлечь, уверенность должна быть, что варнак и вправду там. А ее как раз и не было, словам оставшегося без сапог Кобеля доверять опасно.

Пойти в трактир самому, чтобы проверить, Крутилин не мог, его там в любом гриме узнают. Помощники Ивана Дмитриевича тоже люди в сих сферах известные. Все, кроме новенького, Яблочкова. Ему и поручили. Переодевшись в лохмотья, Арсений Иванович отправился к Знаменской церкви<sup>15</sup>. Туда его, конечно, не пустили. За тем, чтобы «сверхштатные» нищие «штатным» не мешали, сторож бдит. Яблочков, пристроившись у оградки, достал из кармана медные крестики на веревочках и образки на кисточках (купил у знакомого целовальника<sup>16</sup>) и, когда после службы народ повалил из храма, заверещал:

---

<sup>13</sup> Сбежавший из Сибири каторжник.

<sup>14</sup> Черных.

<sup>15</sup> Церковь на пересечении Невского проспекта и Лиговского канала (ныне засыпан), разрушена в 30-х годах XX века.

<sup>16</sup> Продавец в питейных заведениях, давший обязательство (целовавший крест), что будет торговать только казенной водкой.

– Кому образки за алтын<sup>17</sup>? Кому крестики за грошик<sup>18</sup>?

Выторговал Арсений Иванович жалкий пятак, однако лишь площадь опустела, к нему подскочили двое:

– Эй, хлопец. У нас и без тебя перебор. Катился бы ты...

– Выпить хотите? – без предисловий взял быка за рога Яблочков.

Один из нищих усмехнулся:

– На пятак три стакана не нальют...

Арсений Иванович разжал кулак и продемонстрировал желтенькую депозитку<sup>19</sup>. Нищие переглянулись: человек, видеть, сурьезный, достоин, чтоб выслушать.

Известный трактир был неподалеку, туда и пошли. Крутилин наблюдал за перипетиями из кареты с зашторенными окнами, остановившейся неподалеку. Задание у Яблочкова было простым – убедиться, что варнак Студеный и впрямь обитает в трактире. Но Арсений Иванович превзошел ожидания. Примерно через два часа вышел оттуда в обнимку со Студеным. Оба еле держались на ногах, попеременно падали и поднимали друг друга, однако, хоть и медленно, двигались вдоль Лиговского канала в сторону Кузнечной. Когда туда свернули, Крутилин скомандовал:

– Братъ.

Варнак был столь пьян, что сопротивления не оказал.

---

<sup>17</sup> Три копейки.

<sup>18</sup> Полкопейки.

<sup>19</sup> Бумажный рубль.

Яблочков же наутро попросил у Крутилина в долг червонец. Угощая нищих, спустил остаток жалованья – осторожный варнак долго не показывался, однако, узнав, что в чистой половине всех угощает новенький, не выдержал и спустился. Быстро его напоив, Яблочков предложил Студеному пойти на «верное» дело – ограбить ювелирный магазин на Коломенской, где сторожем служит его кум. Забыв во хмелю осторожность, Студеный покорно поплелся за Арсением Ивановичем.

– Спасибо за комплимент, Иван Дмитриевич, – улыбнулся Яблочков.

– Комплименты я дамам высказываю. А подчиненным – оценки. В трактире проявил себя орлом. Того же жду и в этом деле.

– Рад стараться, – по-военному щелкнул каблуками Яблочков.

– Отыщи обер-кондуктора курьерского поезда. Надо выяснить, уезжала ли Красовская из Петербурга?

– Слушаюсь.

– Телеграмму в Москву отбей, пусть Варфоломееву поскорей этапируют! И вещи Красовской пусть перешлют. Вдруг письма какие найдутся? Надо же выяснить, с кем роман крутила.

Яблочков снова сказал:

– Слушаюсь.

– Распоряжения запомнил? – спросил Крутилин.

– Так точно.

– Иди исполняй. А ко мне дворника пусть приведут. Что не ясно?

– В Нижний кого отправить?

– Фрелих пущай прокатится.



# Глава первая

Княгиня Тарусова приступила к расследованию убийства Красовской гораздо раньше сыскной полиции. Но сперва знать не знала ни про актрису, ни про ее смерть...

В субботу восьмого августа выдался прелестнейший вечерок. Такие в «кариатурах южных зим» большая редкость. Это в благословенном Средиземноморье воздух, накалившись за день, и после захода светила не теряет приятной теплоты, хоть купайся в нем. В родных же широтах все наоборот: продрогнув за ночь, природа и сама не успевает согреться за несколько часов дневного тепла.

Однако в ту памятную субботу погодка задалась, и князь Тарусов, экс-профессор Петербургского университета, а ныне присяжный поверенный, решил провести вечер с компанией друзей в веселом заведении на Черной речке. Последний раз подойдя к зеркалу, он отряхнул невидимые пылинки со смокинга, приладил в бутоньерку розу и черепаховой расческой поправил пробор, напевая: «Пора! Пора! Туда, где призывно зовут голоса...»

Фривольным куплетам неожиданно саккомпанировал дверной колокольчик.

Кого это нелегкая принесла? Входная дверь скрипнула: – Добрый вечер! – услышал князь басок камердинера.

Однако вместо «как прикажете доложить?» Третий чуть слышно сообщил посетителю, что Дмитрий Данилович в кабинете.

Кто-то из своих. Неужели Лешич за ним заехал? Как это мило...

Дверь в кабинет отворилась:

– Дорогой, пришлось срочно вернуться...

Предвкушение сладостного вечера на лице Дмитрия Даниловича сменилось раздраженным изумлением, которое его супруга, а это была она, поняла по-своему:

– Нет-нет, не волнуйся, дети здоровы, я тоже. Просто наткнулась на одно дельце, за которое непременно нужно взяться. Да что с тобой? На тебе лица нет. Дмитрий, тебе плохо? Сердце?

Тарусов, словно силясь прогнать неожиданное видение, помотал головой. Видение не исчезло, напротив, безапелляционно заявило:

– Зачем обманываешь? Я же вижу. Немедленно ложись. Ну что за жизнь? Нельзя оставить даже на минуту. Я как предчувствовала...

Князь покорно прилег на любимый диванчик и застонал. Увы, не видение. Сашенька собственной персоной.



Не подумайте дурного – князь Тарусов обожал свою супругу. Семнадцать лет брака пролетели как один самый счастливый день. Просто Александры Ильиничны было много, чересчур много, с лихвой хватило бы на десяток Дмитрий Даниловичей.

Каждый божий день княгиня успевала переделать массу дел, в том числе и таких, где без ее вмешательства точно

обошлось бы. В качестве примера: в прошлом месяце вдруг занялась расследованием убийства, в котором обвинялся тогдашний подзащитный князя Тарусова Антип Муравкин. Представляясь газетным репортером, опросила свидетелей, затем... Нет, всех перипетий той ужасной истории рассказывать не станем. Сообщим лишь, что только чудо спасло княгиню от неминуемой смерти. Ударь злодей посильней, трое детишек остались бы без матери. Но Господь ее уберег – Сашенька отделалась сотрясением мозга.

Впрочем, легко сказать, отделалась. После сотрясения Александру Ильиничну стали мучить головные боли. Семейный врач посоветовал ей подлечиться на морском воздухе. О каких-то дальних курортах речь уже не шла – август на дворе, старшим детям скоро по гимназиям, но вот на ближайшем взморье вполне еще можно отдохнуть.

Со свойственной ей энергией Александра Ильинична в два дня осмотрела курорты и остановила выбор на Рамбове. Потому что туда удобно добираться – ну, сами прикиньте, куда еще можно доехать и по чугунке, и в омнибусе, и на пароходе? И всего каких-то тридцать восемь верст от Петербурга. Диди (так по инициалам княгиня называла Дмитрия Даниловича) в выходной сможет их навещать.

День ушел на сборы. Кто бы мог подумать, что матроне с тремя детьми, гувернанткой и кухаркой понадобится целая телега вещей?

И вот, наконец, перрон Петергофского<sup>20</sup> вокзала. Посадочная суeta (билеты, погрузка багажа, поиск вагона и мест) позади. Князь вытащил платочек, дабы взмахнуть непременно в миг, когда паровоз дернет за собой вереницу вагонов. Третий колокол! Ура! Они поехали. Наконец-то Тарусов сможет отдаться работе. А ее вдруг навалилось...

Непосвященным кажется, что адвокат гребет деньги лопатой. На самом деле гребут единицы, остальные ловят крошки с их стола. Им, бедолагам, даже проявить себя негде – кто, скажите на милость, пойдет за помощью к неизвестному поверенному? Вот и приходится, сжав зубы, ждать своего часа, перебиваясь клиентами по назначению<sup>21</sup>. Но если в таких, из-под палки, делах адвокат себя проявит, следует ожидать, что появятся дела большие и денежные. Так и вышло у Дмитрия Даниловича, буквально на следующий день после процесса над Муравкиным к князю Тарусову потянулись клиенты.

Кстати.... Если кто вдруг не знает подробностей того дела, советуем с ним ознакомиться. Хотя бы в подшивках июльских газет за 1870 год. Однако хотим предупредить – всей

---

<sup>20</sup> В 1872 году, когда с этого вокзала стали ходить поезда в Ревель, был переименован в Балтийский.

<sup>21</sup> При отсутствии у подсудимого денежных средств на защитника государство его назначало и оплачивало из казны.

правды там не сыщете, поищите другие источники<sup>22</sup>.

– Что все-таки случилось? – уже смирившись с порушенными планами, спросил супругу Дмитрий Данилович.

– Помолчи, я пульс считаю, – зашипела Александра Ильинична, держа мужа за запястье. – Восемьдесят. Не аневризма ли? Надо за Лешичем послать.

Диди застонал. Лешич, вернее, Алексей Прыжов, семейный врач и друг, поди уже на Черной речке. Эх, надо было и самому князю выезжать пораньше.

– Не стоит.

– Как не стоит? Ты на себя посмотри. Точно переутомился. Думаю, тебе тоже не повредит морской воздух. Завтра же едешь со мной. На даче так чудесно.

– Так почему ты вернулась? – вырвалось у князя.

– Ты что, не рад? – шевельнулись первые подозрения у княгини.

– Как не рад? Очень рад, – спохватился князь. – Но все же?

– Чтобы спасти князя Урушадзе.

– Урушадзе? Впервые о нем слышу.

– Его обвиняют в краже.

– И что он украл?

– В том-то и дело, что ничего, – взвилась княгиня. – Урушадзе невиновен.

---

<sup>22</sup> Лучший из них – роман Валерия Введенского «Приказчик без головы».

- Тогда почему его обвиняют?
- Все улики против него. Но он уверяет, что подброшены.
- Сашенька, дорогая, эта песня стара как мир. Все преступники так утверждают.
- Урушадзе не преступник. В его невиновности я уверена.
- Так и скажу на суде: улики ваши выкиньте, ибо Сашенька уверена! Вне всяких сомнений, этот аргумент станет решающим.
- Что ж. Ладно. Раз так, я сама. Сама найду виновного.
- Опять за старое? Ты же обещала...

Тем, кто проманкировал советом ознакомиться с делом Муравкина, вкратце объясним возмущение князя. Расследуя по собственной инициативе это преступление, Александра Ильинична несколько раз преступила закон. Не прояви начальник сысской полиции Крутилин должного понимания и снисхождения, Дмитрий Данилович с треском вылетел бы из поверенных.

– Обещала. И слово держу, – потупила глазки Александра Ильинична. – Я имела в виду... хотела сказать... Если возьмешься за защиту Урушадзе, ты... ты ведь умный и самый талантливый... ты найдешь виновного...

– Дорогая, уже десять раз тебе объяснял: задача защиты – вовсе не поиск виновного и тем более не установление истины. Задача адвоката – добиться оправдания подзащитного,

в девяносто девяти случаях из ста преступника, совершившего то, в чем его обвиняют. Ради спасения мерзавца от заслуженной кары нам, адвокатам, приходится придирааться к мельчайшим недоработкам следователей, путать свидетелей, а потом, в конце, со всей горячностью убеждать присяжных, что белое – это черное. Sapristi<sup>23</sup>!

– Это так безнравственно...

– Согласен, самому противно, – признался князь. – С радостью поменялся бы ролями с прокурором. У кого, у кого, а у меня нестыковок не было бы! У меня негодяи строем шли бы на каторгу. Одно лишь «но» – доходы на порядок ниже.

– Диди, дорогой, если обстоит так... Мы, собственно, можем себе это позволить...

Князь Дмитрий Тарусов слыл большим оригиналом. Женившись на богатой, да не просто богатой, можно сказать, одной из самых богатых невест, отказался от приданого. Вернее, не отказался, договорился с тестем, купцом-миллионером Стрельцовым, что потом, еще более умноженное, приданое достанется их будущим с Сашенькой детям.

– Дорогая! Не начинай опять. Мы не взяли ни копейки в годы тяжелые, теперь же, когда Фортуна улыбнулась, не возьмем и подавно.

---

<sup>23</sup> Ей-богу! (Фр.)



От приданого князь Тарусов отказался с двояким умыслом. Первый и самый главный: иначе будущий тесть Илья Игнатьевич дочку бы за него не отдал.

В отличие от большинства собратьев по коммерции купец первой гильдии Стрельцов своего крепостного-крестьянского происхождения не стеснялся и чванливую мечту породниться чрез детей с аристократами не лелеял. Князь Дмитрий Тарусов из знатной, но обедневшей семьи представлялся Илье Игнатьевичу банальным охотником за приданым. Категорический отказ от него заставил Стрельцова призадуматься и в конце концов отступить.

Вторым резонном, тоже немаловажным, был сам Дмитрий Данилович. Знал, что приданое лишит его всяких стимулов к работе. Ведь деньги, а с ними возможность не напрягаться, сгубили миллионы талантов. Свой же собственный, талант теоретика и преподавателя, Тарусов весьма ценил. Пять лет, проведенных в Сенате, где он занимался подготовкой к слушанию кассационных дел, Тарусов посвятил диссертации, защитив которую был принят профессором в Петербургский университет.

– В таком случае дело Урушадзе просто создано для тебя, – воскликнула Сашенька (вслед за мужем давайте называть ее так). – Тебе не придется здесь выдавать белое за черное. Все улики против князя косвенные и, не сомневаюсь, подкинуты настоящим преступником.

– Я и без того завален делами, – князь указал на стол, на котором пухлые папки лежали стопками.

Ну не лежала у него душа к этой краже.

– А Выговский? Разве не приступил?

Князь поморщился. Черт побери! Выговский с Лешичем наверняка уже пригубили шампанского и пьются теперь на канканерок в кафешантане.

Антон Семенович Выговский совсем еще недавно верой и правдой служил Отечеству в сыском отделении Санкт-Петербургской полиции. Но вера и правда у Отечества редко когда в чести, потому обер-полицмейстер заставил Антона Семеновича уйти в отставку. Дмитрий Данилович с радостью взял его помощником.

– Приступил, – вздохнул князь. – Однако работы все равно непочатый край. Только по делу Фанталова сотню исков надо подать...

– Ого! – воскликнула Сашенька.

– И я про то, – покачал головой Тарусов.

– А ты не думал нанять стенографа?

*Стенография – спутница либерализма. Где нет дискуссий, записывать нечего. Поэтому в Англии стенографисты появились в XVII веке – документировать речи в парламенте, а в России лишь после судебной реформы. Состязатель-*

ные процессы, в которых прокурор и адвокат по очереди задавали вопросы свидетелям, а в конце обменивались многочасовыми речами с изложением прямо противоположных выводов, вызвали нешуточный интерес. Чтобы удовлетворить его, газеты печатали подробные протоколы судебных заседаний. Так стенография «завелась» и в России.

– Какая мысль, Сашич! – вскричал Дмитрий Данилович. – Ты – гений!

– Знаю, – без ложной скромности согласилась супруга. – А гениев надо слушаться. Потому немедленно берись за защиту Урушадзе. Поверь, дело будет скандальным. Все газеты напишут.

– О краже? – удивился князь.

– Непременно.

– С ума сошла? Даже летом, когда писать не о чем, ни один репортер не поедет в Рамбов на слушание в мировом суде.

– Почему в мировом? Рассматриваться будет в Окружном. Кража-то со стрельбой, по-научному разбой. Да и украдено немало. На 40 тысяч пятипроцентных бумаг.

– О-го-го! Сорок тысяч. Значит, гонорарий Урушадзе заплатить в состоянии.

После первого успеха князь стал предпочитать дела с обеспеченным исходом. Или хотя бы гарантированным финансовым результатом для себя. Трое детей как-никак!

– Даже не мечтай. Повторяю еще раз: Урушадзе денег не крал.

– Но все улики против него.

– Да, – вздохнула Сашенька, – и самовидец<sup>24</sup>.

– Самовидец?

Значит, ни обеспеченного исхода, ни гонорария. Потому князь сказал как отрезал:

– Нет, дорогая. Не проси. Разговор закончен.

Ему захотелось выпить. Поднялся, подошел к буфету, достал рюмку, графин с коньяком.

– Тебе лучше? – спросила супруга, пристально его рассматривая.

– Да, намного. Ты права, я переутомился.

– А почему в смокинге? Куда-то собирался?

– Нет, – чересчур поспешно ответил князь. – Переодеться не успел. Фанталов только-только ушел.

– Фанталов?

– Да-с. Фанталов. Дело его сложное. На миллион! Мы бесконечно встречаемся. Даже вечерами.

– А если у Тертая спрошу, был ли здесь Фанталов?

– Ты что? – возмутился Диди. – Не веришь мне?

– Не верю. Потому что Фанталов в Москву укатил.

Князь оторопел:

– Откуда знаешь? Это секрет.

---

<sup>24</sup> Свидетель.

– Только не от молочниц. Забыл, что у Фанталова усадьба в Рамбове? Их молочница этот секрет и разболтала.

– О боже!

– Так куда ты собирался?

– Дорогая...

– Да, дорогой. Кот на крыше, мыши в пляс? Правильно понимаю? И все эти разговоры о моей головной боли...

– Дорогая...

– А я-то, дура, спешила, мчалась, мечтала, что обрадуешься...

– Не то слово...

– Лучше помолчи...

– Мне что? – от отчаяния князь перешел из обороны в наступление. – В ресторан нельзя сходить? Развлечься нельзя?

– Почему сразу не признался?

– Ну... чтоб не подумала...

– Добился противоположного.

– Дорогая, – князь предпринял попытку обнять благоверную. – Это досадное недоразумение.

– Не трогай меня.

– Сашенька! Любимая! Я так скучал!

– Чую как. Благоухаешь аки клумба. И даже волосы набриолинил.

– Тебе не угодить.

– Я просто отлично знаю, что все это значит. Посему не смею задерживать.

– Сашенька! Сашенька!

Княгиня картинно отвернулась.

– Прости! Умоляю! – Дмитрий Данилович бросился на колени и стал теревить супруге юбку.

Сашенька процедила:

– Возьмешься за защиту Урушадзе?

Господи! За какие такие грехи послан Тарусову сей грузинский князь? Кабы не он, сидел бы Дмитрий Данилович сейчас на летней веранде. Канканерки, поди, уже закончили плясать и разошлись по столикам. Тарусов живо представил себе одну на коленях у Лешича, а другую – нежно целующую Выговского.

– Ладно. Излагай со всеми подробностями. – Тарусов поднялся и уселся в кресло.

– Ну уж нет. Кто утверждал, что страшно соскучился? – княгиня кинула на столик толстую тетрадку. В таких делах она вела дневник. – Завтра считаешь. А сейчас...

Сашенька пристроилась мужу на колени.

– Может, шампанского? – пробормотал Дмитрий Данилович между поцелуями.

– Перебьешься, – отрезала княгиня.

После они отужинали и вместе устроились в Сашенькиной спальне. Но князю не спалось. То ли духота мешала, то ли давешний настрой. Дмитрий Данилович осторожно встал, зажег керосиновую лампу и открыл дневник.

– Не терпится? – раздалось с кровати.

«Какой же я слон, – обругал себя Дмитрий Данилович. – Таки разбудил Сашеньку».

– Извини, сейчас погашу свет.

– Читай-читай. Мне тоже не спится...

«Главное перед чугункой – отвести детей в уборную. И почему вагоны первого класса не имеют отхожих мест? За что рупь семнадцать дерут? Лично я купила бы во второй. Но у Диди – головокружение от наплыва клиентов, и он настоял на первом.

Вагоны по старой моде разделены на «дилижансы<sup>25</sup>». Повезло, что в наш никто не подсел. Еще курил бы всю дорогу. Ох уж эти времена, уж эти нравы! Теперь и разрешений у дам не спрашивают. Если установлена пепельница, значит, можно дымить. Да-с! Еще каких-то десять лет назад курить в публичном месте, даже на улице, было строжайше запрещено. Теперь же впечатление, что запрещено не курить.

Все, кроме меня, сели у окон. Гувернантка напротив Володи, Таня напротив Жени. Мы же с Обормотом устроились посередине. Когда прозвучал гудок, кот принялся орать и вырываться из корзины. Хорошо, что удалось его удержать – стены в вагоне отделаны красным деревом, занавески на окнах из голубого шелка, а коврики – из цветастого бархата. Не дай бог поцарапал бы или закогтил.

---

<sup>25</sup> Каждое купе с отдельным входом с платформы.

Но вот, наконец, оставляя за собой белый хвост дыма, машина<sup>26</sup> неторопливо почухчухала вдоль Митрофаньевского кладбища».

– Сашенька, где ты подобных слов понабралась? – оторвался от чтения Дмитрий Данилович. – Почухчухала...

– Сама придумала, – с гордостью призналась княгиня.

– Зачем? Почему не написать: машина двинулась, тронулась, на худой конец, полетела.

– Двинуться может что угодно. А полететь – любая птица. А вот чухчухать способна исключительно машина. Подумай и согласишься: в русском языке каждый самодвижущийся предмет сопряжен с глаголом. Телега скрипит, коляска шуршит, тройка звенит. Значит, и машине такой глагол надобно подобрать.

– Пыхтит не подойдет?

– Пыхтит самовар. А машина ритмично издает чух-чух-чух, чух-чух-чух.

– Ерунда.

– Вовсе не ерунда, – разозлилась княгиня. – Стареешь, Диди, консерватором становишься. Шипишь на все новое.

– Вовсе нет. Я новое приветствую. Там, где уместно. Но в русском языке и без «чухчухать» слов предостаточно. Четыре тома, если верить Далю. Не следует его засорять.

– Ах так? Я язык засоряю? А Достоевский? Тоже засоря-



ет? Взял, каналья, и придумал «стушеваться»<sup>27</sup>. А Салтыков-Щедрин? Что удумал, подлец? Головоотяпство<sup>28</sup>!

– Ах вот чьи лавры не дают тебе заснуть.

– Заснуть не даешь мне ты.

Хлебнув коньяка, Дмитрий Данилович продолжил чтение:

«Каким бы великолепным ни был город, оканчивается он всегда помойкой. Петербург не исключение. Машина теперь тащится вдоль Горячего поля – отвратительного места, где одни отбросы копаются в других. Приличный человек сюда и носа не сунет, даже полицейские в одиночку не ходят. Потому что здесь в шалашах и землянках проживают самые опустившиеся, самые отчаянные, самые лихие.

Ладно, бог с ними. Мы едем на море.

«Море? Откуда в Петербурге море?» – удивится иной провинциал.

А вот откуда – именно из-за Балтийского моря затеял войну со шведами Петр Первый. И Петербург расположил на его берегу. Центр будущей столицы предполагался на Васильевском острове, омываемом главными рукавами Невы и Финским заливом. Но селился там люд неохотно. Виной тому каналы, которые Петр приказал прорыть (отсюда одно из про-

---

<sup>27</sup> Ф. М. Достоевский использовал его в повести «Двойник» (1843).

<sup>28</sup> М. Е. Салтыков-Щедрин употребил слово «головотяпство» в «Истории одного города» (1860).

звищ Петербурга – Северная Венеция), уж больно непривычно было передвигаться на лодках. Потому старались строиться на другой стороне Невы, ближе к материку. Так и вытеснили море на окраины Петербурга. В любом другом прибрежном городе морские набережные – главные места для променада, у нас же там свалки, заводы и верфи. И чтобы насладиться бризом, житель Петербурга вынужден ехать за десятки верст: либо на север, где залив тянется от Лахты до приграничного с княжеством финским Сестрорецка, либо на юг. На втором направлении ближе всех к столице Стрельна и Петергоф. Однако простым обывателям вход туда заказан: царские резиденции. Иное дело заштатный<sup>29</sup> Рамбов.

«Позвольте, – снова возмутится наш провинциал. – Где ваш Рамбов на карте? Ну-ка, покажите».

И тут окажется прав. Нет его на картах, нет!

Рамбовом город называют его жители. Официально же именуется он Ораниенбаумом. Знал городок сей и величие, и забвение, сверкал и приходил в упадок. Сейчас в нем проживает пара-тройка тысяч жителей, однако летом их число возрастает многократно».

На этой строчке Дмитрий Данилович не выдержал и перелистнул несколько страниц. Как всякая мать, Сашенька старалась сочетать развлечение с познанием. Собираясь с отпрысками в путешествие (разве сорок верст не путеше-

---

<sup>29</sup> То есть город, не являющийся центром уезда.

ствие?), прочитала горку путеводителей и описаний, кропотливо выписав оттуда главное, чтобы не забыть. Поэтому последуем примеру Дмитрия Даниловича. А про Ораниенбаум узнаете в свое время.

И вот еще что. При всем уважении к Сашеньке она слишком эмоциональна, выводы ее поспешны, а характеристики поверхностны.

Поэтому, не умаляя достоинств княгини, изложим-ка историю своими словами.

## Глава вторая

Мигрень, проклятая мигрень. Всегда внезапна, и, кроме покоя и сна, ничто от нее не помогает. Как же обидно – Сашенька такую лекцию про Ораниенбаум заготовила. Но вместо лекции перепуганным детям пришлось обмахивать мать веером и выводить под руки подышать на станциях. Однако от яркого солнца мигрень лишь усиливается.

Что за станция такая? Петергоф? Слава богу, следующая Ораниенбаум.

Там, на конечной, обер-кондуктор услужливо поинтересовался: не вызвать ли карету «Скорой помощи»?

Нет, только не в больницу. От царящих в них запахов Сашенька помрет еще быстрее. Скорей-скорей на дачу, в постель. Но сперва надо получить багаж. Господи! Где взять сил? Однако старшие дети уверили, что управятся сами. Забегая вперед, скажем, что сделали они это блестяще, ничего не потеряв. Что удивительно – ведь при всей Сашенькиной дотошности еще ни один переезд не обошелся без потерь.

В буфете первого класса, куда гувернантка завела княгиню, оказалось многолюдно и шумно, оттуда пришлось уйти. Перейдя привокзальную площадь, зашли в аптеку, где Сашеньке предложили кушетку.

«Как хорошо, – подумала она, растянувшись. – Вот бы еще аптекарь заткнулся!»

Но тот коршуном кружил вокруг несчастной: то полотенце, смоченное уксусом, поднесет, то предложит растереть виски камфорной мазью, то примется навязывать шарики из корня какого-то китайского растения.

– Попробуйте, ваше сиятельство. Одна здешняя дачница тоже маялась подобным безобразием – как рукой сняло.

В сей миг Сашенькино темечко пронзила толстая игла, она вскрикнула.

– Попробуйте, – участливо повторил аптекарь.

Похоже, единственный способ заставить его замолчать – купить эти проклятые шарики из шеньженя, или как его там?

– Стоят сколько? – прохрипела княгиня.

– Нисколько. Вдруг не помогут?

Такой неожиданный подход к коммерции столь удивил Сашеньку, что она даже приоткрыла глаза и попыталась рассмотреть аптекаря. Турок? Армянин? Нет! Неужто еврей? Господи помилуй! Откуда в Петербургской губернии еврей? Их дальше Житомира не пускают – черта оседлости.

– А вот ежели полегчает, зайдете и рассчитаетесь. Я всегда здесь, днем и ночью. Ну? Решились? – спросил, картавя, аптекарь.

Сашенька кивнула. И вправду захотела испробовать чудо-шарики. «Заплати, если поможет!» Какой больной на такое предложение не купится?

– И правильно. Старик Соломон дурного не присоветует.

Насчет старости аптекарь преувеличил, ему пятьдесят, не

более. Еще каких-то полтора десятка лет, и самой Сашеньке стукнет столько же. И что, по-вашему, она старухой станет?

Проглотив горсть блестящих, похожих на капельки ртути горошин, княгиня закрыла глаза, но только опять прилегла, в аптеку вбежал сын Евгений с известием, что багаж получен и даже погружен на телегу:

– А еще мы наняли коляску с откидным верхом, чтобы вас, маменька, не раздражал солнечный свет.

– Мои вы умницы!

Спросонья княгиня не сразу смогла понять, где она? По незнакомым стенам, оклеенным дешевыми обоями, летали солнечные зайчики, за распахнутым настежь окном перебрашивались меж собой трелями птички, терпко пахло цветами.

А голова не болит. Ура!

Княгиня зашла за ширму и быстро переоделась.

Удивлены, что сама, без слуг?

Ну да, конечно, с турнюром или кринолином Сашенька в одиночку не управилась бы. Но на даче дозволено забыть о помпезных нарядах. Да здравствует строгая английская юбка с белой блузой днем и легкое хлопковое платье вечерами.

Вперед!

– Тобрый вечер, фаше сият-тельство.

Поразительно! Вот уже столетие немцы-колонисты живут в Петербургской губернии, а акцент у них не исчезает, пере-

дается из поколения в поколение.

*Пригласила немцев в наши земли Екатерина Вторая, чтобы заселить пустовавшие Крым и Поволжье. Но столь далеко ее соотечественники ехать не пожелали, большая их часть осела по дороге. Жили замкнуто, колониями, за что и были прозваны колонистами. В быту сохраняли привычки и одежду, в брак вступали исключительно меж собой, на дарованных императрицей землях выращивали на продажу картофель, овощи и клубнику.*

Чета Мейнардов, у которых расквартировалась Сашенька, давно отошла от дел, передав угодья в Стрельне<sup>30</sup> подросшим детям. Свой век старики решили скоротать в тихом Ораниенбауме, где купили домик с маленьким участком под огород. Но семь лет назад с открытием железной дороги число дачников, а стало быть, и стоимость аренды, резко подросли, и немецкая практичность взяла верх над желанием провести последние годы в покое. С мая по сентябрь старики домик сдавали, сами ютятся в сарае.

– Как фаше сдоровье? – осведомился Герман Карлович.

– Спасибо, лучше.

– Токда позвольте напомним, что в отхошее место пакля нато кидат ф фетро. Ф тырку нельзя.

– Да-да, помню, – про это ведро Герман Карлович прожужжал Сашеньке все уши, когда договаривались.

---

<sup>30</sup> Одна из немецких колоний под Санкт-Петербургом, недалеко от Петергофа.

– А почему, знаете? – раздался вдруг гнусавый баритон. – Потому что нашими фекалиями гансы свои грядки удобряют.

Сашенька спустилась с крылечка. Не спрашивая разрешения, в ее калитку вошел полноватый мужчина в пенсне с тонкими по-армейски подстриженными усиками на красноватом лице. Увидев его, Мейнард поморщился. Однако непростого гостя сие не смутило.

– Только вдумайтесь, княгиня: что же мы едим? За что платим на базаре? А вот за что: за собственные фекалии.

Приблизившись, баритон представился:

– Четыркин Глеб Тимофеевич, отставной капитан. Сосед ваш.

– Тарусова Александра Ильинична.

– Знаю, уже знаю, – капитан склонился над ручкой. – В нашей деревне инкогнитой не проживешь. Но позвольте про фекалии закончу. Вашему Герману Карловичу я строго-на-строго запретил этакий индифферентум вытворять. Дышать было нечем, когда въехали. Но не зря говорят: «Хитер немец, обезьяну выдумал». Фекалии он все одно золотарям не сдает. Их по ночам забирает его сын. – И без всякой паузы Четыркин поинтересовался: – Падчерица моя у вас?

– Ваша падчерица? С какой стати? – удивилась Сашенька.

– С такой, что к вашим детям направилась. Во всяком случае, мне так сказала.

– А кто их представил? – еще более изумилась Сашенька.



Александр Ильиничне претили и чванство, и фанаберия<sup>31</sup>, но титул супруга, его положение в обществе вынуждали и самой блюсти условности, и прививать их детям.

– Кто-кто? Тут вам не великосветский паркет. Дачи! Все друг с дружкой накоротке, знакомятся без представлений, к соседям заходят без приглашений. Аккурат как я сейчас. Мог ведь и не утруждать себя калиткой: вон она, канавка. – Глеб Тимофеевич показал на воображаемую линию в глубине сада. – Перепрыгнул – и уже у вас. Кстати, котик ваш так и поступил, а тут наша собачонка. Малепусенькая, но тьякает, что твой волкодав. Ваш рыжик с испугу на яблоню взбежал. Хе-хе... Так дети и познакомились.

– Фаша дочь гулять, – откуда-то из тени вмешался в разговор Герман Карлович, – с фаш сын...

– Как? Вдвоем? – заволновалась Александра Ильинична. За Женей глаз да глаз нужен. Весь в Сашеньку – влюбчиво-романтичный. Только пока не понимает, что хищниц вокруг пруд пруди. А жених-то он завидный.

– Нет! Фсе фместе пойти. Фаш дочь, фаш сын два, их Нина и фрейлейн гувернантка.

– А фрейлейн хороша, – причмокнул Четыркин. – Ух, и хороша! У супруга вашего небось глаза разбегаются?

– Муж мой чрезвычайно занят на службе. Про всякие глупости ему думать некогда, – поставила наглеца на место Сашенька.

---

<sup>31</sup> Снобизм.

– Но раз он занят, значит, вы свободны, – отставной капитан весьма недвусмысленно схватил Сашеньку за локоток.

Она тут же его выдернула:

– Я тоже занята. Детьми. Их, если не заметили, трое.

– Дети! Ах, дети! Как они волшебны, когда свои. Мне вот чужих приходится воспитывать. Что ж, рад знакомству.

– Взаимно, – покривила душой Сашенька.

Нацепив канотье, которое весь разговор крутил в руках, Четыркин удалился восвояси.

Неприятный какой тип!

А вот его падчерица Нина Сашеньке понравилась. За вечерним чаем ее ротик не закрывался:

– Здесь так интересно! Вам крупно повезло, что сюда приехали. Кого с других дач ни спроси, все жалуются, скука там смертная. А в Ораниенбауме, наоборот, жизнь кипит. По четвергам и воскресеньям ходим в театр, по понедельникам на журфиксы к генеральше Остроуховой, каждый вторник у Журавлевых домашние спектакли, по средам играем в фанты у Фанталовых. Правда, смешно? Фанты у Фанталовых. По пятницам... По пятницам в Нижнем парке играет духовой оркестр и все гуляют там. Одни мы не ходим. Потому что чай пьем у Волобуевых. – Вздернутый носик на секунду сморщился. – Скучно у них...

Девушка замолчала. Евгений, не спускавший с нее влюбленных глаз, поспешил на выручку:

– Если скучно, зачем ходите к ним?

Нина передернула плечиками:

– Мать заставляет. Отчим с графом – армейские товарищи. Правда, после отставки долго не общались. Но в прошлом году, когда мы переехали в Петербург, случайно встретились и возобновили знакомство. Мы даже на Асину свадьбу приезжали.

– Ася? Это кто? – спросила Татьяна.

– Дочь Волобуевых, ныне княгиня Урушадзе. – И, понизив голос, чтобы не напугать Володю, Нина добавила: – Нынешним маем разрешилась от бремени мертвым младенцем. И не просто мертвецом, уродцем!

Несмотря на тщетную предосторожность, малыш заключительную фразу услышал. К удивлению Нины, не испугался, напротив, деловито поинтересовался:

– Заспиртовали?

– Кого?

– Уродца.

– Нет, – ошарашенно помотала головой девушка. – Похоронили. Там, у них в Грузии.

Интерес Володи к естественным наукам возник случайно. Как-то весной у гувернантки Натальи Ивановны случился выходной, Сашенька была чем-то занята, потому спроводила на прогулку с младшим сыном Дмитрием Даниловичем. Князь повел отпрыска в Зоосад, но тот некстати оказался

закрыт, и они направились в Кунсткамеру. Заспиртованные Рюйшем<sup>32</sup> уродцы Володю не ужаснули, наоборот, пробудили интерес к анатомии. Родители поначалу обрадовались: какой у них любознательный отпрыск растет! Но когда Володя в одном из атласов рассмотрел отличия между полами, приуныли. На вопросы, зачем и почему, Александра Ильинична смогла лишь объяснить назначение молочных желез, но то, что пониже, вызвало затруднение, и княгиня покраснела. Дмитрий же Данилович сунул сыну любимого Монтеня, считавшего в своем шестнадцатом веке, что отличий меж полами нет и окаянный отросток на самом деле у дам имеется, только втянут глубоко в живот. И стоит женщине пошире прыгнуть, как он неминуемо вывалится наружу.

Чтение Монтеня толкнуло юного естествоиспытателя на эксперимент, подопытными в котором стали сестра и гувернантка. На каждой прогулке Володя подстраивал им каверзу: то спрячется в кустах за канавой, то к луже подведет, которую не обойти. Барышни, подобрав юбки, покорно прыгали, но вывалившимися результатами не хвастались.

Пришлось подглядывать за ними во время мытья. Володя был уличен и примерно наказан.

– Но сейчас Ася здесь, на даче у родителей, – сообщила

---

<sup>32</sup> Голландский ученый Фредерик Рюйш (1638–1731) изобрел состав, liquor balsamicus, который позволял бальзамировать трупы. Петр Первый приобрел у Рюйша его анатомическую коллекцию, которая стала основой первого в России публичного музея – Кунсткамеры.

Нина.

– Супруг в Грузии остался? – уточнила Сашенька, наливая себе третью чашку чая.

Дома больше двух не пила, но здесь, на даче, да со свежим вареньем, на тенистой веранде, под милую беседу с детьми....

Впрочем, старшие уже не дети. Вон как Женя на Нину заглядывается! И ведь есть на что: фигурка – будто из мрамора точена, кожа светится белизной, а рыжие волнистые кудри обрамляют тонкое с милыми конопушками лицо, на котором не знают покоя озорные зеленовато-серые глазки и алые ниточки мягких губ. Красота!

Нина вопрос проигнорировала, вместо ответа спросила сама:

– А ваш Дмитрий Данилович сюда приедет?

– Непременно.

– Познакомите?

Перед сном Сашенька лениво размышляла: зачем это милой барышне понадобился Диди?

Загадка прояснилась на следующий день.

После обеда соседи Четыркины предложили Александре Ильиничне совместно прогуляться, пока дети под присмотром гувернантки играют в саду.

В отличие от экс-капитана его супруга Сашеньке понравилась. Про таких, как Юлия Васильевна, говорят: «Чудо как хороша!» Хоть и крупная, но удивительно пропорциональ-

ная, Четыркина в свои сорок все еще пребывала в эпицентре мужского внимания – редкий кавалер не провожал ее долгим смакующим взглядом. Широкий овал лица с высоким лбом, большие, чуть вытянутые серые глаза, а полукругом над ними – тонкие черные брови, изящный прямой нос и аккуратный, чуть приоткрытый, дабы похвастаться белизною зубов, рот.

Шли не торопясь, наслаждаясь легким ветерком с залива, без которого жара, не спадавшая которую неделю, была бы невыносима. От палящих лучей дам прикрывали зонтики, отставного капитана – неизменное канотье. Почти на каждом шагу старожилы Четыркины раскланивались со встречными и тут же знакомили их с Сашенькой.

– День-другой, и вы тоже будете всех знать, Александра Ильинична, – заверила княгиню Юлия Васильевна.

*Дворцовый проспект, по которому совершался променад, делил город на две части: Нагорную, возвышавшуюся над морем почти на 15 саженей<sup>33</sup> от линии горизонта, и Нижнюю, спускавшуюся к заливу.*

*Говорят, что сперва Петр Первый хотел основать Северную Венецию именно здесь, но местный холмистый рельеф препятствовал устройству каналов, да и речушка Караста уступала по всем статьям полноводной могучей Неве. В итоге новая столица была заложена в ее дельте на плоских*

---

<sup>33</sup> Одна сажень равняется 2,13 метра.

болотах. А эти земли император подарил другу и ближайшему сподвижнику светлейшему князю Меншикову. Александр Данилович в своих ингерманландских<sup>34</sup> владениях бывал часто, но до поры до времени жилищ тут не строил. Уж больно далеко от Петербурга.

Все переменялось в 1714 году, когда Петр стал обустривать в Петергофе загородную резиденцию. Меншиков, во всем подражавший другу-монарху, тут же принялся воздвигать свою. Конечно же, в Ораниенбауме! Ведь отсюда до Петергофа рукой подать – девять верст<sup>35</sup>.

Кстати, согласно легенде, название городку дал сам Петр. Заехав как-то к Алексашке, царь увидел в оранжерее померанцевые деревья, на каждое из которых садовник прибил табличку «Oranienbaum<sup>36</sup>». Петр Алексеевич развеселился и повелел впредь городок так и именовать.

– Парк уже осмотрели, ваше сиятельство? – поинтересовалась Четыркина.

– Пока нет. А что? Во дворец пускают?

– Нет, конечно! – всплеснула руками Юлия Васильевна. – Летом в него великая княгиня Елена Павловна<sup>37</sup> выезжает.

---

<sup>34</sup> Первоначально Ингерманландской называлась Петербургская губерния.

<sup>35</sup> Одна верста равняется 1,06 км.

<sup>36</sup> Оранжевое дерево (голл.).

<sup>37</sup> Супруга младшего брата императоров Александра Первого и Николая Первого Михаила Павловича, Елена Павловна (1806–1873).

– Черт бы ее побрал, – тихо добавил Четыркин.

– Глеб, помолчи...

– Тоже мне, «Princesse la Liberte<sup>38</sup>».

– Умоляю...

– Нет! Ну кто ее просил? Крестьяне сами были против.

Челядь в ногах валялась, умоляла не прогонять. А как их содержать, коль ни оброка, ни барщины? Эх, жаль, Михаил Павлович так рано ушел от нас<sup>39</sup>. Он бы им не позволил. Всыпал бы по первое число и супруге, и племянничку-освободителю.

– Да замолчи ты, наконец. С ума, что ли, сошел? – шипела на отставного капитана жена.

– Почему рот мне затыкаешь? Разве только я так считаю? У любого спроси. Да хоть у Александры Ильиничны...

– Боюсь, Глеб Тимофеевич, наши мнения не совпадут. Дед мой крепостным родился, – огорошила Четыркина Сашенька. – С превеликим борением выкупился у помещика.

– М-да, – отвел глаза Четыркин. – Простите...

– Простите его, ваше сиятельство, – подхватила Юлия Васильевна. – Глеб от реформы пострадал как никто другой. Имение его было маленьким, заложенное-перезаложенное...

История помещика Четыркина оказалась столь типичной, что подробности могли и не рассказывать.

---

<sup>38</sup> Принцесса свободы (*фр.*) – так прозвали Елену Павловну в обществе после освобождения крестьян в 1861 году, в котором она сыграла важную роль.

<sup>39</sup> Скончался в 1849 году, за 12 лет до отмены крепостного права.



*К началу Великих реформ в залоге у государственных банков находилось почти две трети российских поместий. Причин тому несколько, но главная – крепостное право. Когда спину гнут задарма, результату грош цена. Свою лепту в разорение внесли и вороватые управляющие, ведь редкие из помещиков сами занимались своим имением. И вовсе не из-за лени – некогда было. По неписаным правилам<sup>40</sup> дворянин обязан был посвятить жизнь государевой службе, военной или гражданской. Вот и приходилось нанимать управляющих, часто абы кого.*

*Попадали имения в залог и по глупости: карточные долги, роковые женщины, кутежи, роскошные наряды...*

*Банки до поры до времени к должникам-помещикам относились лояльно: довольствовались уплатой процентов, основной долг требовали в случаях исключительных, а по истечении срока почти всегда соглашались на перезалог.*

*Но все изменилось в 1861 году.*

*Крестьян освободили без земли, однако государство предоставило им кредит для ее выкупа. Выдавался он не деньгами, а ценной бумагой, так называемым «выкупным свидетельством». Ими община рассчитывалась с помещиком, получала в собственность землю, а потом в течение сорока девяти лет должна была гасить долг банку, выпла-*

---

<sup>40</sup> До 1762 года, когда вышел «Указ о вольностях дворянства», это правило было законом.

*чивая ежегодно шесть процентов от суммы, указанной в свидетельстве. Банк, в свою очередь, эти проценты (за вычетом комиссионных<sup>41</sup>) перечислял владельцу выкупного.*

*Но у тех помещиков, чьи крестьяне до реформы находись под залогом<sup>42</sup>, из этих процентов вычли сумму долга. Получили они сущие копейки.*

– Пересчитав первую выплату, я расплакался. – Даже сейчас, по прошествии почти десятилетия, на глаза Четыркина навернулись слезы. – Подумал-подумал, продал остатки земли, чертовы свидетельства тоже продал, а вырученные средства пустил в оборот. Коммерсантом задумал сделаться. Счел, что занятие сие проще пареной репы: тут купил, здесь продал. Оказалось, нет. Там недоплатили, здесь обманули, что-то стухло, что-то прокисло... Одним словом: выпустили меня в трубу<sup>43</sup>. Попробовал жить куртажом<sup>44</sup>, опять же прогорел. Кабы Юленька не зашла в полпивную<sup>45</sup>, сгинул бы друг Четыркин.

– Куда она зашла? – переспросила Сашенька, решив, что ослышалась.

---

<sup>41</sup> Полпроцента из шести.

<sup>42</sup> Объектом залога была не сама земля, а «крещенная собственность», крепостные крестьяне.

<sup>43</sup> Разорили.

<sup>44</sup> Жить на комиссионные.

<sup>45</sup> Питейное заведение, в котором подавалось полпиво – малоалкогольный напиток на основе пива. В отличие от пивных туда пускали женщин.

И без того недоумевала: что, простите, связывает красивую, статную, явно с достатком Юлию Васильевну и сомнительного Глеба Тимофеевича? И вот, здрасте, в полпивной они встретились. Что позабыл там Четыркин, понятно, горе заливал, но с какой целью туда зашла его будущая жена?

Юлия Васильевна рассмеялась:

– Вы не ослышались, Глеба Тимофеевича я встретила в полпивной. Однако искала там не его, а приказчика, что траченную молью шубу мне продал. И вдруг, в табачном дыму, прямо как в сказке, увидела свою девичью мечту. Когда-то в Брянске на первом своем балу влюбилась с первого взгляда в красавца-драгуна. Как он танцевал! Как строен был и хорош собой!

«Какая романтическая история», – решила Сашенька и тут же полезла с расспросами:

– А вы, Глеб Тимофеевич? Юлию Васильевну узнали?

– Ну... Не сразу. Она изменилась, лучше стала. Разве может отроковица сравниться со зрелой дамой?

– Рад видеть вас в добром здравии, – окликнул их мужчина, подымавшийся по лестнице в Нагорную часть.

– Волобуев, ты разве не в Петербурге? – раскрыл объятия Четыркин.

– зуб заболел. Пришлось идти вырывать, – мужчина сухо расцеловался с Глебом Тимофеевичем, однако с видимым удовольствием облобызал ручку его жене.

– Сочувствую, это так больно, – посочувствовала Юлия

Васильевна.

– Вовсе нет. Жид-дантист меня усыпил последним достижением современной науки, называется «хлороформ». Понюхал и заснул, – пояснил Волобуев. – А кто ваша прелестная спутница?

– Княгиня Тарусова, наша новая соседка, – засуетился Четыркин. – Граф Волобуев, мой друг.

– Припозднились вы, ваше сиятельство. Многие с дач уже съезжают, – заметил граф, целуя ручку.

– Пусть съезжают, нам больше места останется, – пошутила Тарусова.

Волобуев для своих пятидесяти с гаком выглядел замечательно. Строен, высок, даже шевелюра, редкая гостья в столь почтенном возрасте, и та в наличии.

– И кого из Тарусовых вы осчастливили? – спросил он Сашеньку с улыбкой.

– Дмитрия Даниловича, – снова встрял Четыркин. – Помнишь, в прошлом месяце громкое дело...

– Вот как? – усмехнулся чему-то своему Волобуев. – Княгиня, мы по пятницам принимаем, так что прошу.

– Спасибо, непременно.

– Как здоровье графини? – осведомилась Юлия Васильевна.

– Лучше, в сад сегодня вышла.

– Поклон передайте.

– И от меня. А что суд? Назначен? – спросил Глеб Тимо-

феевич.

– Назначен, – сквозь зубы бросил Волобуев, всем видом показав, как неприятен ему этот вопрос. – Простите, тороплюсь.

Быстро раскланявшись, граф ушел.

## Глава третья

– Что за суд? – спросила Сашенька, когда Волобуев скрылся.

– Разве не слышали? – изумился Глеб Тимофеевич. – Только о нем и говорят.

– Дорогой, – словно глупого ребенка, позабывшего урок, укорила мужа Четыркина. – Позволь напомнить, что княгиня приехала вчера. Откуда ей знать? Это для Рамбова ограбление Волобуевых событие века, в Петербурге о нем и не слыхали.

– Тогда вам свезло. Из первых уст узнаете. Самовидцем оказался, – похвастался отставной капитан. – Случайно, конечно. Дело было так: в очередную пятницу...

– Постой, Глеб, постой. Не с того. Начни с предыстории. Иначе ее сиятельство не поймет.

– Ну, раз начальник штаба велит с предыстории, вынужден подчиниться, – Глеб Тимофеевич снял пенсне, подышал на стекла и протер их носовым платочком. – Значится, так. Анастасию Андреевну, дочь Волобуевых, красавицей не назовешь. Скорей наоборот.

– Что ты несешь? – фыркнула Юлия Васильевна. – Разве можно так про молодую женщину?

– Можно, ежели правда, – отмахнулся Глеб Тимофеевич. – Ася, без спору, приветлива, мила, но не красавица.

Нет-с! От обоих родителей глаз не оторвать, а дочка, увы, не задалась. Потому и пришлось хлебнуть ей полной ложкой из моря разочарований. Шестнадцати годков в какого-то корнета влюбилась, письма ему слала со вздохами, а он, шельмец, их на балах камерадам<sup>46</sup> зачитывал, и перчаточкой на Асю указывал, мол, поглядите, экая лягушонка в меня втюрилась. Кто-то из подружек донес бедняжке, и на этой почве приключилась с Асей нервическая горячка. Руки пыталась наложить. Еле выходили. После чего родители попытались ей жениха подыскать, ведь любовное фиаско лечится исключительно крепким браком. Граф не поскупился, шестьдесят тысяч приданого пообещал. Понятно, что охотники тут же налетели. А Ася нос воротит. Мол, не в нее влюблены, а в эти деньги. Как ни уговаривали, как ни убеждали, ни в какую. Время шло, в семье стали смиряться, что Ася останется старой девой, как вдруг на катке она знакомится с неким Урушадзе. И с первого взгляда влюбляется.

– Что немудрено – Автандил волнующ! Как женщина женщине говорю, – шепнула Сашеньке Четыркина.

– А Урушадзе этот, не будь дураком, вокруг Аси юлой вьется. Обедает у Волобуевых каждый день, за ними в театры и даже в гости следует. Вскоре предложение сделал. Но ведь сами знаете: грузинские князья еще почище наших...

– Глеб, – Юлия Васильевна выразительно покосилась на княгиню.

---

<sup>46</sup> От французского *samarade* – товарищ.

– Что – Глеб? Так и говорю: не чета нашим, – молниеносно поправился Четыркин. – В Грузии коли ишак имеется, значит, князь. Гол как сокол оказался Урушадзе. Потому вкупе с предложением испросил авансик<sup>47</sup>. Само собой, радости от подобного женишка граф с графиней не испытывали, однако союз сей благословили. Ибо боялись повторения у Аси горячки. И авансик Андрей Петрович выплатил, куда деваться? Однако про себя решил – целиком приданое не отдаст, будет выдавать частями, чтобы зятек одномоментно его не спустил. Потому вручил после свадьбы Автандилу лишь двадцать тысяч, с чем молодые и отбыли в Грузию.

В мае у них первенец родился. Увы, мертвенький. Похоронили они его и поехали сюда, остаток денег истребовать. А граф не отдает. Де, средства разместил в пятипроцентных облигациях, и чует его сердце, в будущий тираж одна из них непременно главный куш<sup>48</sup> сорвет.

– Глеб, миленький, что-то в горле пересохло. Сходи поищи лимонаду, – повелительным тоном произнесла Юлия Васильевна.

Четыркин огляделся. Ближайшая лавка находилась в шагах.

– Княгине тоже лимонаду возьми. А себе пива, – Юлия Васильевна протянула мужу рубль.

Услышав про пиво, Четыркин повеселел и припустился к

---

<sup>47</sup> Часть приданого могла по соглашению сторон быть выплачена заранее.

<sup>48</sup> Двести пятьдесят тысяч.



лавке, а его супруга, понизив голос, сообщила:

– А я вот другое слышала. Что Волобуев сейчас такую значительную сумму выплатить просто не может. Якобы средства свои в какой-то прожект вложил. А прожект пока дохода не приносит. И облигации, отложенные когда-то на приданое, теперь его единственный доход. Сами прикиньте, верные две тысячи в год<sup>49</sup>.

– Немного, – пожала плечами Тарусова.

– Но и немало. Дачу им снимать не надо, она у них собственная, прислуга вся из бывших крепостных, привыкла за харчи горбатиться. А за провизию лавочникам здесь можно годами не платить...

– А вот и я, – Глеб Тимофеевич подошел к ним с пенящимся бокалом, впрочем, уже ополовиненным.

Следом за ним поспешал мальчишка с двумя стаканчиками лимонада для дам. Кинув ему пятак, Четыркин уточнил:

– На чем бишь остановился? Ах да, облигации. Урушадзе такой задержкой был недоволен. Но конфликт не затевал. Из-за Аси. У той после мертворождения снова нервическая горячка случилась, и лишь встреча с родными ее несколько успокоила. Но в ту злополучную пятницу Автандил будто с цепи сорвался. Обычно он за столом весел, кавказские тосты произносит, с женой нежен и предупредителен. А тут... Сидел насупившийся и к каждой мелочи придирался, будто

---

<sup>49</sup> Пять процентов от сорока тысяч.

повод искал поссориться.

– Я даже спросила бедняжку, что с ним? – поделилась своим впечатлением Юлия Васильевна, но Ася лишь плечами пожала, мол, письмо какое-то получил, с того момента сам не свой.

– И тут графу Андрею Петровичу телеграмму подают...

– Ну какую телеграмму? Письмо.

– Телеграмму.

– Ой! Откуда тебе знать! Ты к тому моменту лыка не вязал.

– И что с того? Каким бы ни был форте-пьяным, – Четыркин сделал паузу, чтобы княгиня смогла по достоинству оценить его шутку, – письмо от телеграммы завсегда отличу. Даже прочесть сумел: «Час ночи зпт «Донон», а вот подпись разглядеть не успел. Граф так обрадовался, что сразу велел карету закладывать, мол, важная встреча. И Автандилу этак по-семейному сказал: де, если сегодня выгорит, с тобой рассчитаюсь. Тот аж подпрыгнул: «Мы второй месяц здесь, каждый день завтра-завтра, а в вашем столе облигаций на сорок тысяч, их отдайте!» Андрей Петрович рассвирепел: «Молчи! Облигации тебя не касаются. А вякать будешь, вообще ничего не получишь». У Автандила глаза налились, кулаки сжались, того и гляди выхватит кинжал и на графа кинется. Ася его успокаивать, а он: «Молчи, женщина, когда мужчины говорят!» – выскочил из-за стола и побежал в дом. Мы с графом выпили, он уехал...

– Он-то уехал, а ты под стол упал! – с укором напомнила Четыркина.

– И правильно сделал. Если бы я не нафурыкался, грабителя не поймали бы. Однако по порядку... Итак, из-за того что я на ногах не стоял, графиня Мария Дмитриевна, добрая душа, оставила меня ночевать. Уложили меня в гостевой комнате на втором этаже. У Волобуевых все спальни там, наверху. Проснулся я в третьем часу ночи, сунул руку под кровать, а горшка-то и нет. Слуги нерадивые забыли поставить. Пришлось одеваться. Вышел в коридор, а там зги божьей не видать. Свечу-то прихватить не додумал, понадеялся на белые ночи. Иду себе тихонечко по стеночке, добрался до порога и тут слышу – скрип. Кому, думаю, не спится? Выглянул аккуратно, вдруг графиня? Панталоны-то я напялил, а про сорочку позабыл. Присмотрелся – слава богу, не она, Автандил.

– В темноте его узнали? – удивилась Сашенька.

– Так он со свечой шел.

– Прямо на вас?

Вопрос задала с подвохом. Если человек двигался в противоположную от Четыркина сторону, лицо разглядеть нельзя.

Но Глеб Тимофеевич простодушно признался:

– Нет, не на меня. Наоборот.

– И как же вы его узнали?

– Как-как? По халату с павлинами. Ни у кого такого нет.

Хотел было окликнуть, но почему-то... Увы, лишен я таланта описывать свои ощущения. Потому просто поверьте, милые дамы, почувствовал что-то недоброе, зловещее. И тихонько, чтобы, не дай бог, не скрипнуть половицей, двинулся за ним. Урушадзе повернул, и я следом, он в кабинет графа, и я туда же. Вошел, смотрю, а князь ящик письменного стола ломает, в котором облигации хранятся.

– Знали, где они лежат? – удивилась Сашенька.

– Знал, – подтвердил Четыркин. – Граф мой старый друг и всецело доверяет мне. Замок в том ящике весьма надежен, ни один мазурик ключ не подберет. Потому Автандил, не мудрствуя лукаво, его и сломал.

– Голыми руками?

– Нет же, отверткой. Но это после выяснилось. А в тот момент я закричал: «Что вы делаете?» Думал, испугаю, пристыжу. Куда там! Хорошо, что жив остался – Урушадзе выстрелил в меня.

– Выстрелил? – изумилась Сашенька. – Он был вооружен?

– Граф в том ящике «кольт» держит. Вот Автандил им и воспользовался. И ведь запросто мог в меня попасть. Но, благодаренье господу, промазал. Второго выстрела я ждать не стал, выскочил в коридор, дверь за собой захлопнул и как закричу на весь дом: «Грабят! Убивают!» В ответ слышу в кабинете грохот и звон разбитого стекла. Что такое? Приоткрыл дверь, заглянул остороженько – а вдруг князь маневр хитрый задумал, чтоб выманить меня? Ан нет! Окно разби-

то креслом, а Автандила-то и нету. Исчез! Подбежал я к раме, глянул вниз, однако темнота, туман, ничего не разглядел. Тут и домашние подбежали. Графиня Мария Дмитриевна, Леонидик, Ася, слуги, наша Нина...

– Дочка тоже у Волобуевых осталась, – пояснила Четыркина.

– Даже Миша прикатил.

– А это кто? – спросила Сашенька.

– Как? Вы про Мишу не знаете? – воскликнули супруги хором.

Тарусова помотала головой.

– Старший брат Аси, калека, – пояснил Глеб Тимофеевич.

– В прошлом году, как раз на свадьбе Аси и Автандила, лошадь под ним понесла, а потом, сделав свечку, упала на спину и придавила молодого графа, – дополнила Юлия Васильевна. – Когда Мишу достали из-под кобылы, на ноги встать он не смог. Каким только докторам его Волобуевы не показывали, все без толку. С тех пор прикован к коляске.

– Давайте я про ограбление продолжу, – перебил жену Четыркин. – Все собрались в кабинете, спрашивают меня, что случилось, а я к Асе: «Где ваш муж?» Выяснилось, что из-за ссоры он лег отдельно от нее, в другой комнате, в которой раньше младший сын Волобуевых обитал, Николя...

– Он закончил этим летом гимназию и уехал в Москву, поступать в Пехотное училище, – опять дополнила мужа Четыркина.

– Я рассказал всем, чему стал свидетелем. Ася в крик, мол, спьяну мне причудилось. Стали осматриваться, а облигаций-то в ящике нет. А с ними и листок исчез, на котором на всякий случай их номера переписаны.

– Хранить такой листочек вместе с облигациями глупо, – заметила Тарусова.

– А он был спрятан совсем в другом месте, в томике Гоголя на книжной полке, – возразил ей Четыркин. – Что лишний раз доказывает вину Урушадзе. Только домашние знали, что сей листок существует и где спрятан. Прибыла полиция. Я повторил свой рассказ полицмейстеру Плешко. Ася опять в крик, де, муж ее спит. Стали стучаться в комнату Николая. Урушадзе не открывает. С разрешения графини Марии Дмитриевны полицейские выломали дверь. Знаете, что там увидели? Дверь на балкон распахнута, а с него спущена веревочная лестница...

– А князь Урушадзе? – спросила Тарусова.

– Его в комнате не было. Полицейстер решил устроить в комнате засаду. Ждать пришлось долго. Лишь в одиннадцать утра Урушадзе забрался в комнату обратно. При обыске у него обнаружили «кольт». «Кольт» графа Волобуева! Его легко опознать, он с дарственной гравировкой.

– А облигации? – спросила Сашенька.

– Облигации подлец успел спрятать! А где – не говорит. Вообще не желает сознаваться, мол, гулял всю ночь.

– А как он объяснил свое отсутствие, «кольт» в кармане,

веревочную лестницу?

– Вы будете смеяться, княгиня! По словам Урушадзе, лег он рано, девяти не было. Где-то в одиннадцать вечера проснулся. Было душно, ему захотелось прогуляться. Но дом ночью заперт, будить слуг князь не захотел. Он знал, что в шкафу хранится веревочная лестница – Николя в детстве любил играть в разбойников, нравилось ему тайком покидать дом и так же тайком возвращаться. Автандил спустил эту лестницу с балкона и пошел прогуляться. Потом якобы нашел стог сена, прилег на минутку, да так и проспал до десяти утра. А про ограбление он, видите ли, знать не знает! Представьте себе: был крайне возмущен, что смеют его обвинять. Как же, он ведь князь.

– А «кольт» как объяснил?

– Сказал, что в саду нашел, когда домой возвращался.

– Думаете, врет?

– Уверен в этом. На рассвете городовые тщательно обыскали сад и «кольт» не нашли. Зато нашли халат с павлинами, князь его в кусты черной смородины закинул.

– Зачем?

– В халате-то по городу не погуляешь.

– Странная история, – сказала Сашенька. – Очень странная. Мне кажется, князь Урушадзе невиновен.

– Как это? Я его видел...

– Вы видели его халат. Его мог надеть кто угодно!

– Кто, например?

– Пока не знаю. Сперва надо понять, как все произошло. Допустим, Урушадзе говорит правду: он проснулся, сбросил с балкона лестницу, спустился по ней и ушел. Прислуга Волобуевых спит в господском доме?

– Да, на первом этаже, – подтвердил Четыркин. – Как только я закричал, они прибежали наверх.

– Но все ли? Допустим, кто-то из них задержался в саду, увидел, как спускается по лестнице Урушадзе, и решил воспользоваться представившимся случаем. Забрался наверх, надел халат князя и направился в кабинет графа...

– А как он дверь в коридор открыл? Ключ-то от комнаты Николая нашли при обыске у князя Урушадзе.

– А дубликат?

– Все запасные ключи давно утеряны. Иначе не пришлось бы дверь ломать. Нет, княгиня, ограбление – дело рук Урушадзе. И полиция, и граф в этом уверены...

– Волобуев считает зятя виновным? – перебила Глеба Тимофеевича Сашенька.

– Да-с. Когда Андрей вернулся из Петербурга и узнал обстоятельства, сразу передал князю свою волю: Урушадзе избежит каторги в одном-единственном случае – если немедленно вернет облигации и подаст на развод с Асей, взяв на себя темную сторону<sup>50</sup>.

– И что ответил Урушадзе?

---

<sup>50</sup> Для развода требовалось веское основание, как правило, супружеская измена. Сторона, в ней уличенная, больше в брак вступить права не имела.



– Сказал, что желает говорить с графом лично, с глазу на глаз. Но Волобуев наотрез отказался. А Урушадзе отказался выполнять выставленные ему условия. Андрей подал жалобу о возбуждении уголовного дела. Князя отвезли в «сибирку», где с тех пор и сидит, ожидает процесса. Впрочем, суд уже назначен, вы сами слышали.

– Выходит, князя будут судить за то, что украл собственные деньги?

– Такая вот у него *c'est la vie*<sup>51</sup>.

– Все равно не понимаю, – взволнованно сказала Сашенька, – если Урушадзе грабитель, зачем ему лестница? Он ведь находился в доме. Надо было просто пройтись по коридорам и взломать ящик.

– Я согласна с княгиней, Глеб, – поддержала княгиню Четыркина. – Объясни!

– Ваше непонимание, дорогие дамы, лишний раз доказывает ограниченность женского ума.

– Глеб, умоляю, – схватила за голову Юлия Васильевна. – Только не сейчас.

– Превосходство мужского ума доказано современной наукой...

*Русские женичины были ограничены в правах. Даже дворянки не имели отдельного от мужа паспорта и вплоть до его смерти не могли распоряжаться общим имуществом.*

---

<sup>51</sup> Такова жизнь (фр.).

*Про другие сословия и говорить не приходится: жена купца без его разрешения из дома выйти не могла, крестьянок вообще людьми не считали (в ревизские сказки заносили исключительно мужчин).*

*Но с началом Великих реформ встал и «женский вопрос».*

*Сделав доступным – всего пятьдесят рублей в год! – среднее образование, правительство преследовало цели нравственные. Де, закончившая гимназию девушка из низших сословий не захочет идти на панель, а непременно изыщет возможность заработать на хлеб честным трудом. Однако выучившие два языка и алгебру с тригонометрией выпускницы вовсе не собирались трудиться гувернантками, горничными, экономками, etc. А желали наравне с юношами учиться дальше в училищах, университетах и институтах, а после иметь возможность работать по специальностям, ранее считавшимися мужскими: учителями, акушерами, врачами, телеграфистами, стенографистами...*

*В печати и правительственных кабинетах развернулись дискуссии. «Женский вопрос», как водится, принялись решать мужчины. Естественно, в свою пользу. Ведь эмансипация грозила перевернуть, уничтожить привычный и уютный мир, в котором женщина, кем бы ни была, от них зависела. Противники равенства полов изощрялись, придумывая аргументы: пугали общественность грядущим исчезновением семьи, деторождения, наступлением эпохи разврата. Но самым простым и популярным тезисом было от-*

*рицание у дам умственных способностей, которыми якобы наделены одни мужчины!*

– Неужели наука научилась ум измерять? – язвительно спросила Юлия Васильевна.

– Представь себе.

– Раз способна измерить, значит, может сравнить. Вот ответ честно: кто из нас умней, я или княгиня?

– Я! – рассмеялся Четыркин. – Из вас двоих умней я.

– Прошу вас, не ссорьтесь, – вмешалась в перебранку Сашенька. – Глеб Тимофеевич, готова признать, что глупа, только объясните, зачем Урушадзе сбросил с балкона лестницу? Для меня сие загадка.

– А для меня, естественно, нет, – расплылся Четыркин. – План у князя был таким: пробраться ночью в кабинет графа, украсть облигации, разбить окно, выпрыгнуть в сад, обежать дачу, забраться по веревочной лестнице обратно, открыть дверь в коридор и присоединиться к домашним, которые неминуемо проснутся от звона разбитого стекла и соберутся в кабинете графа. Понятно?

– Теперь да. В этом случае на Урушадзе никто не подумал бы.

– Верно.

– Но тогда не ясно другое.

– Что именно? – снисходительно поинтересовался Четыркин.

– Почему Урушадзе отступил от плана? Окно разбил, в сад выпрыгнул, а обратно в дом взобрался лишь через десять часов?

– Э...

Глеб Тимофеевич поздно понял, что его, как глупого мышонка, загнали в ловушку.

Юлия Васильевна, еле сдерживая смех, спросила:

– Ну что, Глебчик? Утерли тебе нос? И всей современной науке заодно.

– Вовсе нет. Э... Урушадзе... Потому что...

– Все, Глеб, закончим. Сходи стаканчики отнеси.

– Мальчонке поручим. Вон, без дела мается.

– Сам сходи. Можешь пива еще взять.

Четыркин вздохнул, но пошел. Пива ему хотелось.

– Ваше сиятельство, Александра Ильинична, – как и в первый раз, Юлия Васильевна отослала Глеба Тимофеевича не без умысла. – Вижу по глазам, рассказ моего мужа заронил сомнения.

– Да нет, что вы, Юлия Васильевна.

– Не лукавьте. Если не Урушадзе, то кто?

– Кто?

– Глеб!

– Нет, что вы. Вы должны верить мужу.

– Должна. Однако слишком хорошо его знаю. Потому согласна с вами. Рассказ Глеба о событиях той ночи слишком противоречив. И еще... Почему он в тот день так быстро

опьянел? Вдруг он лишь изображал из себя пьяного? Вдруг нарочно остался у Волобуевых?

Сашенька промолчала. Не хотела признавать, что и сама подозревает прежде всего Четыркина. Хотя нельзя сбрасывать со счетов и слуг. И домашних нельзя. За исключением калеки Михаила. Вряд ли тот способен сигануть в окно.

Решила в пятницу, во время чаепития, ко всем повнимательней приглядеться.

– Впрочем, гораздо больше Глеба меня волнует Нина, – огорошила Сашеньку Юлия Васильевна. – Вы, верно, внимания не обратили, Глеб упомянул это вскользь, Нина в ту ночь тоже ночевала у Волобуевых.

– Я отметила этот факт. Но что из того?

– Никогда ранее Нина там не оставалась. А тут вдруг придумала предлог. Мол, хочет вместе с Асей модный журнал изучить. Даже на почту сбегала, чтобы его получить. Я подписку на летние месяцы сюда на «до востребования» перевела.

– Это так естественно в ее возрасте – вместе со старшей подругой посмотреть новые фасоны...

– Конечно, естественно. Только вот модой ни до ни после того Нина не интересовалась. Я голову сломала над тем, что она позабыла у Волобуевых.

– Вы что, Нину подозреваете?

– Нет, конечно! Зачем ей эти деньги? Моя дочь обеспечена. Но почему она так озабочена судьбой князя Урушад-

зе? Постоянно твердит о его невинности, ссорится на этой почве с Глебом! Подозреваю, что и с вашими детьми сдружилась неспроста. Еще на прошлой неделе, прочитав про процесс Муравкина, решила, что князю нужен такой защитник, как ваш муж. Спрашивала, как его нанять.

– Действительно, странно.

– Увы! Современные девицы не похожи на нас. Мы мечтали о браке и семье. У нынешней молодежи в голове прогресс, служение обществу. Любовь для них лишь физиологический акт, а брак – способ избавиться от родительской опеки. Не хочу пугать, но вашей дочке уже четырнадцать. В самом ближайшем будущем вам тоже предстоит все это пережить.

## Глава четвертая

– Ух ты! – восхитил Володю Увеселительный дворец.

– Будто в воздухе парит, – воскликнула Таня.

Дав детям полюбоваться, Сашенька продолжила экскурсию:

– Расположив дворец на возвышенности, архитектор Шедель добился двух, казалось бы, взаимоисключающих эффектов. Он одновременно и воздушен, и монументален.

– На самом деле дворец маленький, каких-то сто саженей в длину<sup>52</sup>, – Нина на правах старожила дополняла Александру Ильиничну.

Приехав в Ораниенбаум в самом начале вакаций<sup>53</sup>, она успела облазить все окрестности, знала каждую тропинку и дорожку.

– Сами измеряли? – уточнил у девушки Евгений.

Нина нравилась ему больше и больше. Но вот беда – ответного интереса он не ощущал: ни тебе украдкой брошенных взглядов, ни невинного кокетства. Потому искал малейший предлог завязать разговор.

– Кто б меня пустил? – буркнула в ответ барышня. – В книжке прочла. Хотя совсем не прочь прогуляться по колон-

---

<sup>52</sup> 213 метров. На самом деле дворец в длину чуть меньше, чем сто саженей, а именно 210 метров.

<sup>53</sup> Каникулы.

наде. — Девушка указала на пристроенные дугой к двухэтажному дворцу крылья, каждый из которых замыкался павильонами, и завистливо вздохнула. — Там сейчас прохладно.

Жара мучила отдыхающих по-прежнему, зонтики и веера от нее не спасали.

— А кто живет в павильонах? — спросил Евгений.

— Понятия не имею, — пожалла плечиками Нина.

Сашенька пустилась в объяснения:

— Один из них назван Церковным. Не сложно догадаться, что там устроена домовая церковь. Другой именуют Японским...

— Потому что там живут японцы, — высказал догадку Володя.

Все рассмеялись.

— Нет, там живут служители: лакеи, горничные...

— Ой! А что наверху? Смотрите, вертится! — воскликнул малыш.

— Это флюгер, простейший прибор, показывающий направление ветра, — пояснила Сашенька и с ходу задала вопрос: — Видите цифры на нем?

— Да, один, семь, пять и три, — перечислил Володя.

— Что они означают? У кого какие предположения?

Старшие дети промолчали, понимая, что вопрос к младшему. Но Володя, всегда соображавший быстро, на сей раз крепко задумался.

— Ну же, Володечка, ведь просто, — поторопила его гувер-



нантка Наталья Ивановна.

– Понял, это задачка, – наконец изрек вундеркинд. – Надо между цифрами арифметические знаки расставить. – И гордо добавил: – Плюс, равно и опять плюс.

– Балда, – обозвала младшего брата Татьяна. – Это год постройки. Одна тысяча семьсот пятьдесят третий.

– А я думаю, Володя прав, – поспешил успокоить расстроившегося брата Евгений, а заодно снова попытался вывести на разговор свою обже<sup>54</sup>. – Меншиков умер в двадцать девятом. А вы, Нина, только что утверждали, что дворец построен при его жизни. Я не ослышался?

– Да, дворец закончили при Меншикове. И канал тогда же вырыли. А вот павильоны пристроили позже. Прокатимся на шлюпке?

---

<sup>54</sup> Предмет обожания.



На воде обдувал ветерок, сперва казавшийся приятным, однако к концу небольшого, в полверсты, путешествия всем пришлось из-за него укутаться в одеяла, предусмотрительно положенные на скамейки.

– Однажды Петр решил посмотреть, что это за дворец строит в Ораниенбауме его любимец Алексашка, – рассказывала Сашенька историю канала, усевшись на носу шлюпки. – Известил того письмом, что через три дня приплывет из

Петергофа. Светлейший, получив послание, перепугался. И в мыслях не имел, что государь вздумает именно приплыть, а не подъехать. Что делать? Думал светлейший, думал, да и придумал. Пригнал девять тысяч солдат, и они за трое суток вырыли канал, приблизив, так сказать, дворец к морю. Царь приплыл, сказал, что канал, конечно, знатный, да вот только чересчур коштотавый<sup>55</sup>. Зато ему понравился сад, хотя в те времена мраморных скульптур, как сейчас, не было, стояли раскрашенные в белую краску деревянные. Понравились Петру и фонтаны, которые, увы, уничтожили по приказу Екатерины Второй. Говорят, она их не любила... К сожалению, не сохранились и оранжереи, в которых к столу светлейшего выращивали заморские фрукты: ананасы, персики, абрикосы, ну и, конечно, померанцы. Какой без них Ораниенбаум?

– А оранжереи зачем уничтожили? Екатерина Вторая не только фонтаны, но и фрукты не любила? – уточнила Татьяна.

– Оранжерей она уже не застала. Когда Меншикова отправили в ссылку, парк с дворцом конфисковали в казну, и без хозяйского ока все здесь быстро «пришло во всеконечное разорение», – процитировала княгиня старинный документ. – Местные жители разобрали оранжереи себе на постройки. Разобрали и уникальную Турецкую баню, которую венчала круглая стеклянная крыша. Меншиков очень любил

---

<sup>55</sup> Дорогой.

там мыться. Кстати, при дворе светлейшего за глаза обзывали «чистюлей».

– Обзывали? – удивилась Татьяна. – Что плохого в гигиене?

– По тогдашним представлениям мылся он чересчур часто – аж раз в месяц.

– Раз в месяц? – воскликнула Нина, брезгливо поморщив носик. – Представляю, как от него воняло.

– А как воняло от тех, кто обзывался? – тут же встрял Евгений. – Они мылись еще реже.

– Вы шутите? – спросила Нина и, вот оно счастье, улыбнулась!

– Нет, аристократы в те времена мылись редко, очень редко, некоторые всего один раз в жизни, при крещении. И, чтобы заглушить запах пота, каждый день выливали на себя флакон духов.

– Думаю, не сильно помогало, – заметила Таня.

– Ну а волосы? – к радости Жени, Нина впервые задала ему вопрос. – Их тоже не мыли?

– А зачем? Мужчины носили парики.

– А дамы? Они носили прически. Ну, судя по портретам.

– Чтобы грязные волосы выглядели привлекательней, дамы присыпали их мукой.

– Мукой? – прыснула Нина.

Женя просиял:

– Из-за нее в волосах заводились мыши.

– Вы разыгрываете меня, Евгений?

Боже! По имени назвала!

– Что вы, Нина, не посмел бы. Скажу боле. Чтобы спасти прическу от грызунов, куаферы вплетали туда мышеловки.

Сашенька и сама не знала, правду говорит сын или самоабвенно придумывает на ходу.

Увы, увы, детали минувших эпох известны теперь лишь кропотливым исследователям. А ведь со времен Меншикова каких-то полтора столетия прошло. Неужели Сашенькины потомки будут удивляться керосиновой лампе и корсету, а значения обычных ныне слов: штрипки<sup>56</sup>, серник<sup>57</sup>, поставец<sup>58</sup> выяснять по словарям и мемуарам?

У Нины округлились глаза:

– А как же они спали с мышеловками на голове?

– Бедняжкам приходилось почивать сидя.

– Хорошо, что я родилась в просвещенном девятнадцатом веке, – воскликнула Нина.

– Даже не представляете, насколько хорошо. Иначе мы не встретились бы, – решился на намек и томный взгляд Женя.

Их высадили из шлюпки на берегу Финского залива.

– Мама, мама! Ты... Вы...

---

<sup>56</sup> Тесемки, охватывающие ступню под обувью.

<sup>57</sup> Серные спички.

<sup>58</sup> Невысокий шкаф для хранения посуды.

Володя еще иногда «тыкал» родителям, но постепенно переходил на «вы»:

– Вы сказали, Меншикова отправили в ссылку! Он что, грабителем был?

Если глава семьи – юрист, дети узнают об убийцах, ворах и прочих мазуриках чуть ли не с пеленок.

– Как тебе объяснить... После смерти Петра Первого престол заняла его жена, Екатерина Первая, до замужества Скавронская. Однако правил от ее имени Меншиков.

– Потому что был ее любовником, – ляпнула Нина.

Женя выпучил глаза, гувернантка покраснела, Сашенька сжала кулачки. Готова была за волосы оттащить, нет, отлупить по заднице глупую отроковицу! Будь проклята чертова раскованность современных девиц, о которой вчера толковали с Четыркиной.

Хорошо хоть, что сама Нина к Евгению равнодушна. Но почему? Чем, извините, плох ее сын? Умен, красив, богат. Иначе, как чувствами к кому-то другому, такое пренебрежение не объяснишь. Неужели... Объяснение, похоже, одно: Нина путалась с Урушадзе. Потому и осталась ночевать в ту ночь у Волобуевых. А Автандил в свою очередь нарочно поссорился с женой, чтобы спать отдельно. Ночью спустился по веревочной лестнице из комнаты Николая, по саду дошел вокруг дома до окон Нины, забрался туда...

О времена, о нравы! В прежние времена ветреные натуры сперва выходили замуж и только потом начинали губить се-

бя. Теперь же...

Как же объяснить Евгению, что вовсе не свежесть невинной красоты чарует его в Нине? А манит его тлетворный дух глубоко порочной натуры.

А как объяснить Володе слово «любовник»? Старшие начитанны и, несомненно, давно его знают, хотя в их доме подобные выражения под строгим запретом. Но Володя! Ему пять! Он очень любопытен и непременно потребует пояснения.

Но малыш будто читал Сашенькины мысли:

– Маменька, ты не думай, я давно взрослый. Уже знаю, кто такие любовники.

Господи, помилуй! Княгиня чуть не споткнулась от неожиданности. Хорошо, Наталья Ивановна поддержала ее за руку. Кто, интересно, рассказал? Наверняка Татьяна, с нее станется.

Дочь, похоже, тоже имела доступ к материнским мыслям, потому что тотчас напустила на себя недоумение:

– Любовники? А кто это, Володенька?

Права, ох права Четыркина. Скоро настанет Сашенькин черед мучиться с дочкой.

– Любовники живут как муж с женой. Но не женаты, – объяснил Володя.

Ну и ну!

– А что значит живут? – невинным тоном подначила Таня. Ее тоже следует выпороть.

– То и значит. Ругаются, как мама с папой.

Молодежь весело рассмеялась.

Сашенька поспешила переключить всеобщее внимание на Меншикова:

– Екатерина Первая процарствовала всего два года. После ее кончины перед Меншиковым встал вопрос: кого сажать на трон? Кто столь же послушно, как Екатерина, будет выполнять его волю? Дочь ее, Елизавета? Нет, чересчур своевольна. Другая дочь, Анна? Но она замужем в далекой Голштинии. Выбор пал на малолетнего сына убитого по приказу Петра Первого царевича Алексея. Шел ему двенадцатый год.

– Если он малолетний, я тогда какой? – пробурчал Володя, давно считавший себя взрослым и любивший при случае вворачивать фразу «давным-давно, в далеком детстве...».

Сашенька дернула сына за ухо, чтоб не мешал.

– Меншиков обручил Петра Второго со своей шестнадцатилетней дочкой Марией. Теперь, казалось светлейшему, император целиком в его власти. Но мальчишка оказался хитрецом. Заручившись поддержкой Долгоруких, сбежал от Меншикова и тотчас отдал приказ его арестовать. Александра Даниловича лишили всех званий и титулов, конфисковали поместья, в том числе Ораниенбаум, и вместе с семьей отправили в ссылку, сначала в Раненбург<sup>59</sup>, а потом и вовсе в Сибирь. Там нехстати началась оспа, от которой первый владелец Ораниенбаума умер.

---

<sup>59</sup> Ныне город Чаплыгин Липецкой области.



– Ну что, айда в Верхний парк? – предложила Нина.

– Нет, – занял Володя, – хочу домой, к Обормоту.

– Значит, в Верхний парк сходим завтра, – решила Сашенька. – Там я вам расскажу про второго владельца Ораниенбаума. Согласны?

– А поехали завтра в Кронштадт. На пароход, – неожиданно выпалила Нина.

Что за девка! Нет бы сперва посоветоваться. Вдруг у Сашеньки другие планы? Княгиня набрала воздух, чтобы настоять на своем, но не тут-то было.

– Давайте! – Вскричал Женя. – Кто «за»?

Все подняли руки. Сашеньке пришлось улыбнуться и пролепетать:

– Какая чудная мысль...

Всю прогулку Сашенька ждала, что Нина заведет разговор про Урушадзе. Ведь давешний вопрос про Дмитрия Даниловича был лишь затравкой к обстоятельной и серьезной беседе, в ходе которой многое, если не все, прояснится в таинственном ограблении графа Волобуева.

– Александра Ильинична, можно вас на два слова? – сказала Нина, прощаясь возле домика.

– Конечно.

– У меня просьба.

– Какая?

– Проведите меня в тюрьму, – огорошила княгиню Нина.

Сашенька не ожидала, что так сразу, не таясь, не извиваясь, девица признается в связи с арестованным князем.

– Но зачем? – спросила она вкрадчиво.

– Я несовершеннолетняя, одну меня не пустят. Только со взрослым.

– Князя Урушадзе желаешь навестить?

– Да.

– Зачем?

– Ася попросила.

«Лжет», – поняла Сашенька.

– Почему бы ей самой к нему не сходить?

– Ее не пускают.

– Кто? – удивилась Сашенька.

– Граф Андрей.

Вот дура! Врала бы, да не завиралась. Сказала бы лучше, что Ася приболела.

– По какому праву? Ася замужняя дама.

– Но бесхарактерная. Как прикажут – так и поступит. До ареста ею муж руководил, теперь отец. Вам уже рассказали про ограбление?

– Твой отчим.

– Небось хвастался? Рассказывал, какой герой? Ненавижу его.

Ух и девица! Разве можно так про родителя, пусть и при-емного?

Однако рацей<sup>60</sup> читать Сашенька не стала. Не ее это дело порочную девицу воспитывать. Еще, не дай бог, разозлится, и тогда Сашенька ничего не узнает.

– Давай Глеба Тимофеевича оставим в покое. Объясни лучше, почему граф Волобуев запрещает дочери видаться с мужем? Это ведь абсурд.

– Почему? После суда их все одно разведут<sup>61</sup>.

– Разведут? Вовсе не факт. Как сама Ася решит. Она вправе не расторгать брак. А захочет, так и в Сибирь за мужем последует.

– Кишка у нее тонка для Сибири. Хотя клянется, что любит его.

Вот оно! Проговорилась. Слышали бы, с каким уничижением произнесла. Точно соперница.

– А ты в том сомневаешься? – с улыбочкой хищника, загнавшего жертву в угол, спросила Сашенька.

– Еще бы! Любовь – это когда для избранника готова на все, даже на преступление. Разве не так?

– Ну...

Спорить с сомнительным тезисом Сашенька не стала. Потому что и сама недавно ради мужа преступила закон. Вместо спора продолжила допрос. Казалось ей, что осталось всего чуть-чуть до момента, когда Нина будет вынуждена признаться.

---

<sup>60</sup> Назидательные речи.

<sup>61</sup> Супруги осужденных на каторжные работы имели право на развод.

– Но почему ты согласилась выполнить просьбу Аси, раз к ее чувствам относишься с таким пренебрежением?

– А я и не соглашалась. Вернее, Ася не просила. Я соврала, – призналась вдруг Нина. Спокойно, буднично, будто это и не грех. – Сама иду в тюрьму, по своей воле.

«Ах так, значит, играешься со мной. Ну я тебе покажу, кто здесь кошка, а кто мышка», – подумала княгиня и спросила:

– Но зачем? Тюрьма – не место для прогулок. Ты, верно, любишь князя?

Ожидала, что Нина покраснеет, разрыдается, бросится на грудь, начнет сбивчиво оправдываться... Но барышня удивленно приподняла бровь:

– Кого?

– Урушадзе.

– Вы в своем уме?

Она произнесла это столь грубо, с таким неподдельным удивлением, что Сашенька сразу и безоговорочно ей поверила. Даже на хамство не обиделась. Сама виновата.

Нина, правда, тут же извинилась:

– Ой, простите, ваше сиятельство.

– Ладно, – в который раз сорвалось с Сашиных уст словцо, с головой выдававшее ее купеческое происхождение. – Это ты меня прости, что подозревала тебя в недопустимых чувствах. Однако, если их нет, что ты в тюрьме позабыла?

Нина вздохнула:

– Урушадзе в беде. Ему грозит каторга. Его родня далеко,

родственники жены отвернулись, друзей настоящих в Петербурге не нашёл. Кто-то ведь должен ему помочь? Вот и пытаюсь.

Какие благородные слова. Если, конечно, не лжёт.

Нет, но почему она постоянно подозревает в чём-то Нину? Почему не верит этой милой девушке? Неужели потому, что та равнодушна к её сыну?

– Но чем ты можешь ему помочь? – с искренним недоумением спросила Сашенька.

– Хочу уговорить князя нанять адвоката. Урушадзе наотрез от него отказывается. Хочет защищаться сам. Представляете?

– Необдуманное решение. Против него улики, самовидец...

– И я про то. Но мне его не убедить. Никак! Потому вас и позвала.

– Но мы даже не знакомы, – удивилась Тарусова.

– Вы старше меня, авторитетней, опять же, княгиня. Им, горцам, важно, когда на равных.

– А что означает не убедить? – зацепилась за предыдущую фразу Сашенька. Хоть и ругала себя за предубежденность к Нине, червь сомнений грыз по-прежнему. – Уже бывала в тюрьме?

– Да, – призналась Нина.

– С кем, раз без взрослых не пускают?

– Простите, опять соврала, – так же буднично, будто за

пролитое молоко, извинилась барышня. – Смотритель тамошний за полтинник кого хочешь впустит. Я подумала... решила... вас подтолкнуть.

– С какой такой стати?

– Вы – жена адвоката. Хорошего, но начинающего. Вашему Дмитрию Даниловичу нужны клиенты. Разве не так? Значит, сами и уговорите.

Сашеньку в который раз накрыла волна возмущения. Нет, с этой беспардонной девицей дел иметь нельзя. Хотя самые страшные подозрения и не подтвердились, общаться с ней не стоит. Ни Сашеньке, ни ее детям. Какое счастье, что Нина индифферентна к Евгению. Влюбись и она, Сашеньке пришлось бы запрещать им встречи. Какой бы трагедией это стало для романтического Жени.

– Нет уж, уволь. У Дмитрия Даниловича и без твоего Урушадзе дел невпроворот. Мне пора.

– Позвольте осудить невинного? – Нина схватила Сашеньку за рукав.

– Знать не знаю, виновен он или нет. Отпусти! Всего...

– Невиновен! Слышите?

Мгновение назад княгиня была готова пожертвовать рукавом, лишь бы вырваться. Однако последние слова Нины прозвучали всерьез. Слишком всерьез! Отмахнуться от них нельзя.

– Имеешь доказательства?

А вдруг-таки любовница?

Нина с прежней серьезностью призналась:

– Доказательств нет. Женская интуиция. Но когда женщина чувствует, значит, знает. Разве не так, Александра Ильинична?

Сашенька снова отмолчалась, хотя на сей раз была абсолютно согласна.

– Простите меня, – сказала вдруг Нина. – Я сдуру наговорила лишнего. Потому что не могу убедить Автандила. Он же погибнет. Понимаете? Погибнет потому, что я не смогла его спасти. Очень прошу...

Сашеньку раздирали сомнения. Уже не понимала, правду ли говорит Нина или снова обманывает? И тут княгиню кольнула мысль. Какие бы цели Нина ни преследовала, права в одном: Урушадзе в беде. И неважно, с кем он провел ту ночь, с Ниной или с другой. Честь не позволяет князю называть ее. И ради сохранения тайны он готов идти на каторгу. Как это благородно!

– Ладно, пошли. Но об этом никто не должен знать.

– Конечно. Клянусь! Спасибо! Спасибо вам!

Тюрьма, вернее, съезжий дом располагался в обыкновенной избе. Как и обещала Нина, смотритель за полтинник дозволил им свидание с Урушадзе без всякого разрешения следователя.

Дворян держали отдельно от других сословий, потому в камере Урушадзе других арестантов не было. Белье на его

постели выглядело чистым, пол был подметен, мыши и тараканы, к радости Сашеньки, не бегали.

– А вы кто? – спросил Урушадзе княгиню, когда смотритель удалился.

– Дачница, соседка Нины. Она упросила меня провести ее сюда.

– Звать как? – князь учтиво склонился к ручке, предвзительно наградив посетительницу чарующим взглядом темных глаз.

– Княгиня Александра Тарусова.

– Простите, ваше сиятельство, но сесть только постель.

Князь был взрачен<sup>62</sup> и породист, как орловский рысак, по-русски говорил с небольшими затруднениями и сильным кавказским акцентом, что лишь усиливало его шарм.

– Ничего, я постою.

– Ася? – Урушадзе обернулся к Нине.

– По-прежнему больна, ваше сиятельство.

– Ты сказала, что я не крал?

Нина кивнула:

– Ася знает. Просила передать, что по-прежнему любит вас. Но граф Андрей требует развода...

– Козел его дерит...

Первые же слова и взгляды, которыми обменялись князь с Ниной, окончательно убедили Сашеньку в том, что меж ними нет никакого романа.

---

<sup>62</sup> Красив.



– На той неделе суд, – напомнила девушка. – Ася умоляет вас нанять адвоката.

– Нет, я не крал и доказывать это не стану. А хоть и крал... Деньги мои.

– Вы правильно говорите, князь. Но в суде нужен адвокат, хороший адвокат. Против вас улики и самовидец, – повторила Сашенькины аргументы Нина.

– Какие улики? Халат – улики? Любой мог надеть.

– Но это ведь ваш халат? – не удержалась и таки встряла княгиня, заметив, что Нина пасует перед упертостью Урушадзе.

– Мой! И что? А если бы вор в Мишина коляска сел? Калеку обвинили?

Какая неожиданная версия. На калеку и вправду никто не думает. А вдруг этот Михаил только изображает немощного? Нет, чушь. А вдруг нет? Предположим, Михаил ограбление задумал, а осуществил его другой, кто-то из слуг? Эту идейку следует обдумать.

– Я правильно поняла вас, князь? – переспросила Сашенька. – Предполагаете, что вор пробрался в вашу комнату, надел халат и отправился в кабинет графа?

– Так и было.

– Хорошо, допустим. А где были вы?

– Гулял. Спал. Погода хороший. Белый ночь, – князь от волнения путал падежи и склонения.

– Свидетели тому есть?

– Стая воробьев. Слушай, Нина, – князь раздраженно повернулся к девушке. – Кого ты привел? Прокурор двадцать раз такой вопрос задает. Где был, кто видел? Везде был. Никто не видел. Воздух дышал. Верхний парк, Нижний парк.

– А «кольт» где нашли? – не унималась Сашенька.

– Княгиня, я вас не звал. С вами не знаком. Вы – не священник, я – не на исповедь. Прошу простить. Прощайте, дамы. Благодарю за визит. Нет, Нина, постой. Ответь как маме. Почему Ася не придет? Я люблю, скучал очень.

С кем же провел Урушадзе ту ночь? Как бы заставить его проболтаться, проговориться?

Эврика! Кавказцы – эмоциональны. Надо вывести его из себя.

И, понимая, что Нина сейчас снова соврет про мнимую Асину болезнь, Сашенька выпалила:

– Асю к вам не пускают.

И добила свое:

– Кто? – зарычал князь – Кто? Это мой жена!

– Ее отец, – с напускным равнодушием сообщила Тарусова.

– Подлый шакал!

– Я слышала, он готов забрать жалобу. При...

– Так пускай забирает. Пускай не позорит семья!

– Я не договорила. Он готов забрать жалобу при двух условиях: первое – вы возвращаете облигации; второе – разводиться.

– Я отвечал. Никогда! Ася люблю.

– А облигации? Их готовы вернуть?

– Вы глухой?

Урушадзе от переизбытка эмоций всплеснул руками, и Сашенька отшатнулась, решив, что он хочет ее ударить.

– Русский язык говорю – не крал!

– А кто крал?

– Не знаю, – по-детски пожал плечами Урушадзе и присел в изнеможении на кровать.

Ярость закончилась. Увы, на ее пике он так и не проболтался.

Сашеньке стало жаль князя. По-женски. По-матерински. Почти ребенок! Года двадцать два, не больше. Как же ужасно сложились обстоятельства: отправился к любовнице, а грабитель воспользовался спущенной им веревочной лестницей.

Кто он, грабитель?

Четыркина подозревает мужа. Сашенька тоже. Так-так! Прикинем... Допустим, Четыркин притворился пьяным, чтобы остаться у Волобуевых. Дождавшись, когда все уснут, прокрался в кабинет, сломал ящик, спрятал в карман облигации, достал пистолет, выстрелил в дверь, поднял кресло, выбил им окно... И стал ждать разбуженных шумом обитателей. Никому и в голову не пришло его обыскать. Утром Четыркин отправился на прогулку, выкинул «кольт», а Урушадзе на свою беду его нашел.

Версия хороша. Но не без изъяна. Который умножает ее на ноль. Если бы халат нашли под окном, Четыркину не отвертеться. Но его обнаружили по другую сторону дома в кустах смородины. Значит, грабитель все-таки выпрыгнул из окна, на бегу скинул халат и зашвырнул куда подальше. Четыркин этого сделать не мог, оставался в кабинете.

Как же помочь Урушадзе? После длительной паузы Сашенька произнесла:

– Соглашусь с Ниной и вашей супругой – вам нужен адвокат. Если, конечно, не мечтаете очутиться на каторге.

Урушадзе вскочил с кровати:

– Какой каторга? Я – князь! Мой род, знаешь, какой древний?

– Закон теперь един для всех. А факты против вас.

– А слово? Слово князя? Неужели оно ничто не значит?

– Боюсь, нет. Присяжные вас осудят.

– Хрен с ними. Царь не утвердит приговор<sup>63</sup>! Я потомок древний род! Заслуженный род.

– Вынуждена огорчить. По статистике, в подавляющем числе случаев император утверждает подобные приговоры. Поверьте, я знаю, о чем говорю. Мой муж – профессор права.

– И очень известный адвокат, – добавила некстати Нина.

– Ах вот что! Дело ищешь? А ну вон...

---

<sup>63</sup> Приговоры дворянам, чиновникам, священнослужителям и лицам, имеющим ордена и знаки отличия, утверждались монархом, если суд лишил их всех прав.

– Послушайте...

– Уходи...

– Мой муж не нуждается в клиентах. Фанталова знаете?

– Да!

– Мой муж – его поверенный. Сами понимаете...

Князь не ответил. Но и прогонять перестал.

– Я пришла помочь, – зашла на второй круг Сашенька.

– Адвокат не нужен. Взять адвокат – что признаться. Но раз помочь хотите... Передайте записка?

– Кому?

– Тесть.

– Хорошо, я завтра приглашена к нему.

– Сейчас пишу.

Схватив со стола листок, Урушадзе чиркнул несколько фраз, согнул бумагу пополам, протянул Сашеньке.

– Конверт нет. Прощайте!

– Не грызи ногти, – скомандовала по привычке Александра Ильинична и тут же себя одернула.

Нина ей не дочь, хорошим манерам пусть ее учат мать с Четыркиным. Из уст же чужого человека подобные замечания вызывают одно раздражение. Впрочем, уже вызвали. Ишь насупилась! Думает? О чем? А вдруг это она украла облигации? А что? Интересная версия. Ведь и Нина ночевала у Волобуевых. Проведем реконструкцию – Нина пробралась в кабинет, туда следом за ней зашел ее ненавистный отчим,

она в него выстрелила, потом выпрыгнула в окно, сняла халат, зашвырнула в смородину, обежала дом, забралась по веревочной лестнице...

Халат! Нина на две головы ниже Урушадзе. Да и фигуры не перепутаешь. У князя – мужская, соблазнительно мужская: плоский живот, восхитительный треугольник из мощных плеч и боков, длинные мускулистые ноги. У Нины фигура тоже хороша, но, естественно, женская. Мягкие округлые линии, развитый не по годам бюст, округлый зад.

Нет, Четыркин не мог принять ее за Урушадзе.

Почему же Нина уверена в невинности князя? Интуиция, говоришь? Нет, голубушка. Потому что ты знаешь истинного...

Нет!

Ну, конечно! Как просто! Нина просто знакома с дамой, с которой Урушадзе провел ту ночь.

Сашенька стала прикидывать, как бы вывести Нину на разговор. Но так до самого дома и не придумала. Дойдя до калитки, девушка сухо попрощалась.

## Глава пятая

Той ночью никто не мог сомкнуть глаз...

Евгений мучился проблемами нравственными. Еще весной лишь мечтал о любви, настоящей любви, что с первого взгляда и до гробовой доски. И вот однажды, в самом начале лета, в их квартире раздался звонок. Кухарка Клаша куда-то отлучилась, и Женя сам пошел открывать. И сразу понял: ОНА!

– Вы, верно, князь Евгений? Здравствуйте. А я ваша новая гувернантка Наташа. – И смущенно поправилась: – Наталья Ивановна. Почему молчите?

А Евгений не знал, что сказать. Преклонить колени и признаться? Но так не принято – сначала, говорят, надо сватов заслать.

Но кто ему, гимназисту, позволит жениться?

Однако, к ужасу Жени, пронзивший его заряд электричества Наталью Ивановну совершенно не задел. И своего Ромео она разглядела не в нем, а в их семейном докторе – Алексее Прыжове. В душе Евгения закипели шекспировские страсти, чуть было не окончившиеся шекспировской трагедией: Женька даже собирался вызвать Прыжова на дуэль, руку тренировал утюгом...

Как вдруг на обеде у деда был пронзен Амуром вторично.

Маленького росточка, с умопомрачительной, как у балерины, талией, насмешливыми серыми глазами на фарфоровом личике и вьющимися пепельными волосами – Анечка Буржинская походила на фею. К тому же оказалась ровесницей и богатой невестой, ее отец – какой-то важный чин в Твери. И главное: Анечка сразу признала его своим Ромео. Не то что какая-то гувернантка. Весь обед строила глазки, а выходя из-за стола, обронила платок, да так, что лишь Евгений смог поднять. Когда подал его, Анечка задержала ладонь юноши в своей.

В тот же миг Наталья Ивановна была отправлена в отставку.

С тех пор Евгений каждый день получал от Буржинской письмо и тут же писал ответ. Пока позавчера не увидел Нину. Снова барабанный бой сердца! Снова разряд электричества! ОНА! Вся из сплошных достоинств!

Но как? Опять ОНА? ОНА ведь уже есть! Анечка Буржинская.

Но что значит есть? Здесь ее нет. И никто не знает, что Анечка в своей Твери вытворяет. Кому еще платки роняет? А вдруг Анечка круглая дура? Очень на то похоже – все ее письма заполнены описаниями нарядов: собственных, сестер, матери и подруг.

А вот Нина! Красива и умна.

А еще...

Еще в ее глазах хочется утонуть!



В размышлениях, сколь избита и пошла сия фраза, Евгений беспокойно заснул.

Обормот лишь притворялся спящим, чтобы так поймать мышонка. Хитрый серенький разбойник каждую ночь выбирался из норки в поисках еды, а котенок каждую ночь его караулил, да вот беда, набегавшись за день, в самый ответственный момент засыпал.

Крутилась и Татьяна, боясь предстоящей качки. Столько про нее читала и вот завтра, о ужас, придется испытать. А вдруг срыгнет? Да на глазах у всех? Как это неприлично.

Володя тоже был взбудоражен предстоящим плаванием. Глеб Тимофеевич (Четыркины зашли к ним после ужина выпить белого виноградного на веранде) объяснил ему устройство парохода. Оказалось, что это большой самовар на колесиках. Но если в самоваре пар бесполезен и даже опасен, особенно для Обормота, который вечно сует в него нос (а кухарка, чтоб не обжегся, бьет его тряпкой), то у парохода, напротив, пар идет в дело. Именно он вращает колесики, а те своими широкими лопастями гребут воду, как матросы в шлюпках, только много сильнее. На всякий случай у парохода и паруса имеются, но распускают их только при попутном ветре. Вот интересно, какой будет завтра?

Сашенька ворочалась, переживая за Урушадзе. Как ему помочь? Как найти его любовницу, а главное, как заставить ее подтвердить алиби?

Только заснула, как подскочила от ужасной мысли, ранее не посещавшей: даже найдись эта гипотетическая любовница, князя с Асей все равно разведут. В этом случае за измену. Волобуев подобное признание не упустит.

Но почему граф добивается развода?

В пять утра княгиня проснулась от другой мысли. Если Урушадзе столь крепко любит жену, какого черта шлындрает по любовницам?

Из-за этих беспокойных мыслей и проспала. Когда разлила глаза, дети уже щебетали на улице. Сашенька выглянула в окно. Вчетвером, вместе с Ниной, они стояли у калитки и что-то горячо обсуждали. Вернее, говорили старшие, Володя лишь слушал. Закончив, сложили руки одна на одну и выкрикнули: «Один за всех и все за одного!» Не участвуя в этом мушкетерском рукопожатии Нина, Сашенька только улыбнулась бы. Когда-то и они с братом Коленькой и воспитанником отца Лешей Прыжовым так играли. Однако Нина тот еще мушкетер. Самая настоящая миледи Винтер. Что еще она задумала? В том, что заводила именно Нина, сомнений не было – после рукопожатия, явно в благодарность за предстоящее содействие, поцеловала в щечку своих друзей. Сначала Володю, потом Таню, а под конец и Женьку. Сквозь тюлевую занавеску Сашенька увидела его счастливые глаза.

Бедный! Такой же глупенький, каким был д'Артаньян! Не догадывается, как беспардонно и вероломно, играя его чувствами, миледи Нина использует его в гнусных планах.

Знать бы в каких...

Княгиня быстро умылась и оделась, наспех поела. И вместе с ожидавшей ее гувернанткой выпорхнула из домика.

– Здравствуйте, маменька, – сказали дети хором.

Старшие подхватили ее с двух сторон под руки:

– Пора на пристань, – напомнил Евгений.

– Вдруг билетов не хватит? – поддакнула ему Таня.

И заговорщически улыбнулись друг дружке.

– Доброго всем дня, – откуда-то из-за угла вынырнул Глеб Тимофеевич.

Увидев Четыркина, дети почему-то сникли, а Нина снова принялась за ногти.

– Здравствуйте, Глеб Тимофеевич, – поздоровалась Сашенька.

– А не прокатиться ли мне с вами? Чай, не помешаю?

– Ой! – произнес Володя и тут же зажал себе рот двумя руками.

– Что с тобой, Володечка? – испугалась Наталья Ивановна.

Малыш смотрел на нее вытаращенными глазами.

– Наверно, муху проглотил, – предположил Женя.

А Таня подхватила:

– Муху, муху! – И, как показалось Сашеньке, подмигнула

младшему брату.

Володя сразу разлепил рот и показал туда указательным пальцем:

– Муха! Ам!

– Приятного аппетита, – улыбнулся Четыркин. – Так не помешаю?

– Конечно, нет, присоединяйтесь, дети будут рады. Вы так интересно рассказываете, – перспектива целый день провести с Глебом Тимофеевичем Сашеньку не радовала, но и отказывать оснований не было. Тем более едут с его падчерицей.

– А что дочка скажет? – спросил Четыркин.

– Я вам не дочка, – грубо ответила Нина.

Все замолчали. Казалось, даже птички перестали чирикать. Сашенька не знала, что и сказать. Да и зачем? Сами пусть разбираются.

Четыркин, чему-то ухмыляясь, смотрел на Нину. Та внимательно разглядывала свои туфли.

– Ну раз дочь брать в вашу компанию не желает, планы менять не буду. Поеду, как и собирался, на уженье<sup>64</sup>.

*В отличие от охоты, любимого развлечения во все времена, рыбалкой до поры до времени занимались исключительно как промыслом или ради пропитания. Однако с появлением дач она быстро вошла в моду. Особенно у мужчин! Пейзан-*

---

<sup>64</sup> На рыбалку.

ская идиллия на дачах им быстро надоедала. Потому что в городе от семейного содома – кричащих детей и назойливой жены – можно спрятаться в кабинете. Но на дачах они не предусмотрены. В гости к соседу тоже не отправишься – у того свои жена и дети. Махнуть на охоту? Смеетесь? Здеишние леса давно повырублены. А в тех, что чудом уцелели, охотиться можно лишь на дачников, что ищут грибы, лакомятся ягодами и устраивают на полянках пикники. Махнуть куда-нибудь подальше, в глушь, где вовсе нет дач? Но там нет и железных дорог. А трястись по старинке сотню верст в телеге или таратайке – нет уж, увольте!

Да и ружье, в отличие от удочки, не всякому по карману.

Так и пристрастились дачники к рыбалке. Кто в одиночку, кто в узкой, исключительно мужской, компании. Закинул поплавок и сидишь себе, наконец-то отдыхаешь. Тут же в речке и водочка охлаждается. И никто не подсчитывает, сколько рюмочек ты опрокинул. Красота!

– Глеб Тимофеевич! Гав! Глеб Тимофеевич! Гав! Гав! Гав! – раздалось откуда-то из сада.

Через несколько секунд гавкающий голос материализовался в лице кухарки Четыркиных Макриды, которая в одной руке несла удочку, а под мышкой другой прижимала маленькую собачонку:

– Удочку позабыли, Глеб Тимофеевич. И Тузика.

Шавка дополнила ее возмущенным лаем:

– Гав! Гав!

– Да не нужен мне Тузик, – разозлился Четыркин. – Всю рыбу тьяканьем распугает.

– Да как же? Юлия Васильевна велели.

– Гав! Гав!

– Скажи, что не догнала. – Глеб Тимофеевич достал из жилетки серебряные часы, взглянул на циферблат и заохал. – Так и опоздать недолго. Извозчик! Извозчик!

Ожидавший в тенечке «ванька» тут же подкатил.

– А удочку?

– Гав! Гав!

– Удочку давай.

– Гав! Гав!

– Как же не догнала, раз удочку взяли?

Попрепившись еще немного с Макридой, которая так и норовила впихнуть Тузика, Четыркин уехал в сторону Петергофа.

Четверо детей, как один, вздохнули и снова заулыбались.

Что все это значит?

– Если поторопимся, успеем на пароход, который отплывает в девять, – сказала Татьяна, когда они, наконец, подошли к пристани.

– А по какому времени в девять? По ораниенбаумскому или кронштадтскому? – уточнил Володя.

*Век девятнадцатый или век железный, как его называли, взвинтил скорости на порядок. До строительства железной дороги путешествие из Петербурга в Москву занимало неделю, после – лишь сутки. Однако по прибытии в Первопрестольную путники по-прежнему переводили стрелки часов на полчаса вперед, потому что каждый город, как и в старину, жил по солнечному времени. И в расписаниях поездов и пароходов всегда указывалось, по каким часам оно составлено.*

– По петербургскому. Здесь время везде одинаковое, – ответила Володе княгиня.

– А почему?

Эти его «почему» Сашеньку выводили из себя. Рано научившийся азбуке, Володя читал все, что попадалось: газеты, расписания, беллетристику, юридические труды из библиотеки отца, учебники брата и сестры. А потом методично выяснял значения незнакомых слов и требовал объяснить то, что не понял. А Сашенька и сама многого не знала, а что и знала, то позабыла, поэтому частенько отправляла младшего сына к старшему. Евгений учился на «отлично», обладал хорошей памятью, к тому же ему нравилось покровительственным тоном давать Володе пояснения.

– Спроси у Жени, – княгиня подтолкнула малыша к брату. Покупая билеты, она краем уха слышала, как Евгений

втолковывает Володе, что теоретически (что такое теоретически?) солнечное время в Кронштадте и Ораниенбауме, конечно же, отличается от петербургского. Но расстояния между всеми этими населенными пунктами (чем-чем?) слишком малы, потому разница в солнечном времени составляет секунды. Потом Евгений ответил еще на кучу вопросов: а с Киевом какая разница, а с Парижем, а с Семипалатинском (где, интересно, такой?). Какая же у него феноменальная память на цифры! Отвечал, не задумываясь.

Как приятно, что дети, твои дети, такие умные!

Но даже самый умный ребенок – все равно ребенок. Страсть к проказам в любой момент может одолеть в нем разум. Глаз да глаз нужен за пятилетним. На миг оставить нельзя.

Пока Сашенька устраивалась с детьми в их семейной каюте, Наталья Ивановна пошла в свою, для слуг, причесаться. Княгиня понадеялась на гувернантку, гувернантка – на княгиню, в итоге Володя исчез.

Сначала искали вместе, потом разделились. Женя отправился на камбуз – вдруг Володя успел проголодаться? Нина вызвалась сходить к сходням. Татьяна осталась на нижней палубе, около каюты, на случай если Володя вернется сам. Наталья Ивановна побежала в носовую часть, к своей каюте, убедиться, что он не отправился туда. Сашенька же поднялась на верхнюю палубу, служившую гульбищем для пасса-



жиров. А их там собралось немало, человек пятьдесят. И все оживленно разговаривали, стремясь перекричать чаек, уда-ры колокола и паровую машину, – пароход отчаливал.

– Володя, Володя! – стала звать Сашенька.

Сразу пять мужских голосов с разных сторон ответили:

– Что угодно, сударыня?

– Спутника ищите? Не подойду? – один из Володей, обти-рая платком струившийся пот, попытался жуировать<sup>65</sup>.

– Сына ищу. Пять лет, одет в матроску.

– Пардон-с. Не видел-с.

Прокладывая дорогу локтями, Сашенька пробилась к кор-ме.

– Мальчика не видели? – обратилась она к старухе в шел-ковом кринолине.

– Не видела, – презрительно оглядев Сашеньку в лорнет, ответила та и повернулась к спутнику, мужчине в черном ко-стюме, моложе ее лет на сорок. – Вот поэтому и не хочу ре-бенка. Выносишь, выродишь в мучениях, а потом какая-то гувернантка его потеряет.

– Совершенно согласен, Лили. Зачем тебе ребенок? У те-бя есть я.

– Какой вид! Чисто Швейцария! – восхитился стоявший в двух шагах от них стриженный под гребенку брюнет, одетый в длинный летний шерстяной сюртук, той же материи брюки и жилет, по которому извивалась змейкой цепочка часов.

---

<sup>65</sup> Ухаживать.

– Мальчика не видели? – обратилась к нему Сашенька.

– Мальчика? – брюнет внимательно осмотрел Сашенькино простое платье из легкой летней ткани и пришел к тому же выводу, что и старуха, – гувернантка. Потеряв интерес, он ответил с иронией, тонко рассчитанной на соседку: – Видел. На берегу. Калачами торговал.

Старуха громко засмеялась. Но Сашеньке было не до шуток:

– Да нет же, здесь, на пароходе, пяти лет, одет в матроску.

– И такого видел. Аккурат здесь, – чуть картавя, продолжил издевку брюнет. – Минуты три назад. Стоял на вашем месте.

Сашенька оглядела низенькое ограждение, за которым пенилась вода. От ужаса у нее задергался глаз:

– А сейчас где?

– Не могу знать, – прищурился брюнет. – Чайками любовался, не углядел.

– Он... Он не упал?

– Говорю же, не знаю, – отмахнулся брюнет, краем глаза наблюдая за Сашенькиными муками.

– Ох! – схватила она за сердце и тихо, потому что на громкость не хватало сил, сказала: – Надо остановить пароход. Немедленно. Спустить шлюпку.

Услышали ее лишь ближайшие соседи.

– Вот еще! Не хватало опоздать из-за этой курицы, – словно в тумане донесся до Сашеньки голос старухи в кринолине.

– С какой стати, Лили? – удивился ее моложавый спутник.

– Ты что, не слышал? Ее воспитанник выпал за борт.

Ноги Сашеньку уже не держали, она схватилась за поручень. Старуха невозмутимо продолжала:

– Жорж! Ну что ты стоишь? Стоишь и куришь. Ты должен этого не допустить.

– Чего, Лили?

– Остановки парохода. Проторчим тут весь день. Пока выловят тело, дождутся полицию, составят протокол...

Тело? Это ведь не про Володю? Нет! Нет!

– Пароход не остановят. Точно знаю, – поспешил успокоить старуху брюнет. – Прошлым летом я возвращался в Петербург последним рейсом. Со мной на палубе стоял мужчина, явно бывший кавалерист, только они еще носят эти безобразно большие усы с подусниками. Кавалерист еще до парохода изрядно набрался. Однако все ему было мало, постоянно прихлебывал из фляжки. И мне совал, – брюнет скорчил брезгливую физиономию. – А я не пью-с, желудок, знаете-с, слабый. А потом вдруг спрашивает: «А почему небо зеленое?»

– Вот чем закончится твоя страсть к лисабончику<sup>66</sup>, Жорж, – назидательно произнесла старуха.

Брюнет продолжал:

– Супруга кавалериста фыркнула, мол, допился до чертей. Тот в ответ резкость, она разволновалась до аффектации и

---

<sup>66</sup> Португальский портвейн.

ушла в каюту. А кавалеристу все нипочем, еще хлебнул, потом еще, затем вдруг покачнулся, схватился за сердце и плюх через перила.

Сашенька чуть не последовала за ним.

– А дальше? – с нескрываемым интересом и к брюнету, и к его рассказу спросила старуха.

– Подозвали матроса, тот доложил капитану. Однако оставиваться не стали. Все одно в море труп не найти.

– Вы меня успокоили, молодой человек, – обрадовалась старуха и улыбнулась, обнажив беззубый рот.

Улыбочка эта совершенно не обрадовала Жоржа:

– Лили, идем в каюту. У меня от воздуха голова раскалывается.

– Глупости, Жорж, – прервала его стон старуха. – Морской кислород полезен. А голова твоя болит от сигары. Выкини немедленно.

– Так гаванская...

– И больше не кури.

Сашенька понимала: секунда-другая – и она упадет в обморок. Только бы не в воду. Ведь... Даже если... Все равно надо жить дальше. Ради Жени, Тани, Диди... Нет, без Володи... Но почему она верит этому мерзкому брюнету? Володя не мог упасть. Он умный, осторожный, он просто где-то бежит. Надо успокоиться, собраться с мыслями, и Володя сразу найдется...

– Я еще не закончил, – манерно расстроился возможному

уходу старухи брюнет. – Вы не представляете, как убивалась жена кавалериста. «И миленький, и хорошенький!» Что ж, спрашивается, раньше не ценила?

– И Жоржик меня не ценит, – пожаловалась карга.

Ее спутник закрипел зубами. Мечталось ему выкинуть брюнета туда же, за борт. Но мерзавец продолжал как ни в чем не бывало:

– Выяснилось, что супруга кавалериста – актриса.

– Какой ужас!<sup>67</sup> – пролепетала старуха.

– Фамилия ее – Красовская.

– Как? Красовская? – удивилась старуха.

– Вы ее знаете?

– Да что вы? Конечно, нет.

Сашенька совершила усилие и таки оторвала руки от поручня. Теперь надо открыть глаза... И вперед на поиски Володи.

– Мама, мама! – слышалось сзади.

Сашенька обернулась. Не слышалось ли? Нет, слава богу! Володя, живой и невредимый, за руку с Женей.

– Мама? Я думала, гувернантка, – разочарованно процедила старуха.

– Разве гувернантка не может быть матерью? – резонно спросил Жорж.

– Матерью может быть кто попало, – пошутил брюнет, ближе и ближе придвигавшийся к старухе. – Позвольте пред-

---

<sup>67</sup> Женитьба на актрисе влекла за собой увольнение из армии.

ставиться...

Сашенька позволила себе в буфете рюмку коньяку – нервы успокоить, после пережитого руки-ноги тряслись, как у марионетки. Ругаться на Володю не было сил. Спасибо, что живой.

Дети же умяли блюдо посыпанных корицей и сахарной пудрой булок, напились лимонада и заели все это вишнями.

Ну вот! Самое время про Кронштадт рассказать. Вперед, на палубу!

– А Нина где? – спросила Наталья Ивановна.

И вправду, где?

Сашенькины дети равнодушно пожали плечами. Даже Евгений! Вчера глаз с Нины не спускал, а сейчас ни на капельку не разволновался ее исчезновением.

В который раз за день Сашенька спросила себя – что все это значит?

– Мы пойдем, поищем ее, – встала Татьяна.

Евгений радостно закивал головой и тоже поднялся. И даже обжора Володя слез со стула, положив обратно которую по счету булку.

– Нет, дружок, ты останешься со мной, – велела ему Сашенька. – Никуда тебя от себя не отпущу. Во всяком случае сегодня.

Женя с Таней ушли на поиски, Володя принялся за булку.

– И где ты был? – спросила у него княгиня.

– Прятался. Ящик на палубе красный, а в нем песок. Туда и залез.

Сашенька два раза пробежала мимо пожарного ящика, над которым висела лопата. Почему не заглянула? И вдруг поняла. Да потому что без посторонней помощи Володя в этот ящик залезть не мог. В сей миг кусочки смальты, которые никак не хотели стыковаться, склеились в общую картину. Каждая деталь нашла свое объяснение. И неожиданное предложение Нины поехать сегодня в Кронштадт, и мушкетерское рукопожатие у калитки, и даже ужас в глазах детей, когда Четыркин решил отправиться вместе с ними.

Ох уж эта Нина! Голову ей следует открутить. Собственные дети тоже хороши. Ну, она им покажет.

Княгиня приступила к допросу:

– А как ты в ящик забрался? Он ведь высокий. Крышка небось тяжелая?

– Ага, – сказал, слизывая пудру с пальцев, Володя. – Женя еле открыл.

– То есть спрятаться тебе Женя помог?

Малыш от испуга снова закрыл рот руками. Потом отвел глаза и пробормотал:

– Женя еле открыл, когда нашел.

– А кто залезть помог? – рассердилась на наглое вранье княгиня.

– Никто! Сам.

– Лучше правду скажи. Чуть с ума не сошла, чуть не посе-

дела. Понимаешь, что натворил? Официант, ну-ка, еще коньяку.

Видя, что княгиня на взводе, что готова сорваться, схватить Володю и вытрясти признание, Наталья Ивановна сама обратилась к нему:

– Володечка, ты ведь знаешь – врать плохо. Мальчики, что врут, вырастают негодьями. Ты же не хочешь превратиться в негодяя?

Володя обиженно помотал головой.

– Тебя Женя спрятал?

Малыш кивнул.

– Зачем?

Молчание.

– Я вам скажу зачем, Наталья Ивановна, – произнесла Сашенька, глотнув коньяка. – Это их Нина подговорила. Чтобы незаметно покинуть пароход. Разве не так? Что молчите, князь?

Если Сашенька обращалась к отпрыскам на «вы» и по титулу, значит, жди расправы. Дети это знали.

– Да, – тихо подтвердил Володя. – Нине надо князя Уружадзе спасти! Его в темнице держат. Если Нина не поможет, его пошлют на ка...

Мальчик от волнения не мог вспомнить куда. Не на казнь, но слово очень похоже.

Сашенька подсказала:

– На каторгу?



– Да, – обрадовался Володя. – А что хуже: казнь или ка-  
торга?

– У отца спросишь... Когда расскажу про ваши художе-  
ства...

– Не надо, мамочка, не надо.

Наталья Ивановна положила свою руку на Сашенькину.  
Мол, успокойтесь.

– Нину ее родители никуда не пускают. А ей надо. Чтобы  
Уружадзе спасти, – принялся объяснять Володя. – Мы ре-  
шили помочь. Ведь друзьям надо помогать. Во всех книжках  
так написано.

– А в книжках не написано, что надо чтить родителей,  
быть послушными и честными?

Наталья Ивановна тихонько шепнула княгине:

– Александра Ильинична, можно вас на пару слов?

Они пересели.

– Не ругайте Володю. Он не виноват. Наоборот, горд со-  
бой. Ведь старшие взяли его в компанию и доверили тайну.  
Разбираться надо с ними.

Княгиня медленно допила рюмку:

– Вы правы. Я просто не могу успокоиться. Не владею со-  
бой. Чуть не умерла. И все из-за какой-то Нины. Как они по-  
смели?

– Они дети. Им еще сложно просчитать последствия своих  
поступков.

– Тоже мне, дети. Женьке в будущем году в университет.

– Они хотели помочь несчастной Золушке, у которой пусть не мачеха, а отчим, но такой же злой и отвратительный. Ущипнул меня вчера, словно кухарку. Не ругайте Таню с Женей. Этим лишь оттолкнете их от себя. Попробуйте объяснить деликатно.

– Вы что? Тоже с ними в заговоре?

– Нет, что вы. Нина не рискнула бы меня вовлекать. Понимает, что я старше, что я не позволила бы...

– Простите. И спасибо за поддержку. Согласна, мне надо успокоиться и даже сделать вид, что ничего не знаю. И при случае вывести их на разговор. Но как же тяжело. Сейчас станут врать, что Нина отстала. Случайно отстала. Как это мерзко...

Сашенька не ошиблась.

Дети вернулись с озабоченными лицами:

– Матрос, что проверял билеты, сказал, что девушка, похожая на Нину, сошла на берег. Искала ребенка, – заявил Евгений.

– И на пароход не возвращалась, – добавила Татьяна.

Дети замолчали, ожидая реакцию Сашеньки.

Та натужно улыбнулась:

– Значит, приедет на следующем пароходе. Мы ее на пристани подождем.

Таня с Женей переглянулись.

– Ну, а теперь на палубу, – поднялась с венского стула кня-

гиня. – Расскажу про Кронштадт.

– А на кроватях попрыгать? – возмутился Володя.

Спальные места в каюте были двухъярусными, таких малышей еще не видел.

– Потом, – пообещала Сашенька.

Володя насупился.

– Вы, конечно, помните, что Меншиков и до строительства своего дворца часто бывал в Ораниенбауме. Но зачем?

Старшие молчали в пользу Володи, но тот был обижен (двухъярусные кровати куда интересней!) и ответить не соизволил.

Пришлось Сашеньке:

– Петр Первый, заложив город в дельте Невы, быстро понял, что тот уязвим с моря.

– Карамзин, кстати, считал Петербург «бессмертной ошибкой великого преобразователя», – ввернула Таня.

Сашенька порадовалась. Дочь не пустышкой, не ветреной барышней растет. Книжки умные читает. А что с норовом да с характером – так и сама была такой.

– Согласно с Карамзиным, – сказала княгиня. – Найти такое неудачное для города место надо было постараться. Но Петр Первый, отдадим ему должное, быстро понял свою ошибку и в первую же зиму повелел возвести крепость, способную защитить город с воды. Для ее строительства выбрал остров Котлин. Кто знает, что значит Котлин?

– Чухонского не изучал, – рассмеялся Евгений.

– Это не по-чухонски.

– Шведский тоже.

– Шведы, между прочим, сей остров называют Ретузари, – едва не сломав язык, выговорила Сашенька. – Когда Петр решил его завоевывать, он отправил туда большой отряд солдат. Небольшой шведский гарнизон, охранявший остров, завидев русские лодки, перепугался и в спешке ретировался. Даже котел бросили, в котором уху варили. Петр, про то узнав, повелел остров впредь звать Котлиным, а на гербе нарисовать котел. Зимой 1704 года тут началось строительство крепости, руководил которым Александр Меншиков. Вот почему он так часто ездил в Ораниенбаум. Оттуда по льду залива до Котлина всего пять верст. Строили крепость, вернее первый форт Кроншлот, следующим способом: прямо на льду сколачивали ряжи, внутри которых рубили проруби, а потом засыпали их камнями. Шведы, открыв весной 1704 года навигацию, неожиданно обнаружили в родном для себя Финском заливе вражеский форт, закрывший им проход к Невской губе.

Вокруг Сашеньки полуколыцлом стала собираться публика, даже ее собственных детей попытались оттеснить.

– Лили, какое интересное нововведение, теперь во время морской прогулки нас развлекает чичероне, – удивился Жорж, которому никак не удавалось избавиться от брюнета и вернуть к себе внимание старухи. – Давай послушаем.

– Возьми лорнет. Это все та же глупая мамаша со своими

глупыми детьми.

– Неужели? Увы, Лили, ты права. Я ведь говорил: у меня раскалывается голова. Срочно в каюту.

– Петр Первый часто инспектировал Кронштадт, – продолжала Сашенька. – Трехэтажный дворец, выстроенный для его визитов, увы, не сохранился, но вот домик, подобный домику возле Петропавловской крепости, цел по сию пору. Мы обязательно туда ходим. А в 1720 году царь повез в Кронштадт, что с немецкого переводится «венец города»<sup>68</sup>, шведского посланника, присланного известить о восшествии на престол их нового короля. Показав ему крепость, император заметил: «Я сэкономил вашему правительству много денег, которые вы раньше тратили на лазутчиков, можете их больше не посылать».

Петр не успел закончить крепость. Но его дело продолжили потомки. В царствование Николая Первого были сооружены циклопические форты, мимо которых мы как раз проплываем. Вон форт «Петр Первый», чуть подальше «Меншиков» и «Павел Первый». Обошлись они столь дорого, что Николай в сердцах воскликнул: «Дешевле было выстроить их из серебра, чем из гранита!»

Увы, форты эти оказались никудышной защитой. В Крымскую войну пришлось снова, как во времена Петра, засыпать фарватер камнями, иначе эскадра Непира неминуемо прорвалась бы в Петербург. Поэтому, сразу после заключе-

---

<sup>68</sup> Krone (нем.) – корона, Stadt (нем.) – город.

ния мира, генерал Тотлебен составил новый план укреплений. Работы вот-вот будут закончены. Ну что, кажется, будем причаливать? Продолжу на берегу.

Слушатели наградили Сашеньку аплодисментами. Княгиня смутилась. Всего-то делов – путеводитель пересказать.

А Володя разрыдался:

– А попрыгать?

Когда малыш успокоился, Сашенька отправила его с Натальей Ивановной в Петровский парк. Пусть погуляет, пока она со старшими выяснит отношения.

Да и история Петровского парка, которую она решила рассказать в назидание, была не для его ушей.

– На месте парка когда-то было обширное болото. В царствование Николая его осушили и превратили в плац-парадную площадь. Здесь наказывали провинившихся солдат. Знаете, как это происходило?

Таня с Женей который раз переглянулись. Солнце начало припекать. Как бы увести отсюда маменьку? Как бы аккуратно ей сообщить, что Нина ни следующим, ни каким другим парходом не приедет?

– Солдат выстраивали в две шеренги, в руке они держали шпицрутены – пруты из березы или ивы, которые предварительно вымачивались в уксусе, а потом кипятились в соленой воде, дабы приобрести гибкость и упругость. Солдата, приговоренного к наказанию, раздевали по пояс и привязывали его руки к дулам двух ружей. За эти ружья преступ-

ника вели меж двух шеренг. С левой стороны от них шел командир и следил, чтобы каждый солдат ударил наказуемого по спине изо всей силы. С правой стороны шел доктор. Обычно на двухсотом ударе провинившийся лишался чувств, и тогда доктор говорил: «Довольно». Наказание прерывалось; несчастного отвозили в госпиталь, там залечивали его спину и снова вели на плац-парад дополучить недоданное число шпицрутенгов. А приговорить могли и к тысяче ударов, и к трем тысячам, и даже к шести! Однако обычно более пятисот ударов никто не выдерживал. Юридически смертной казни у нас в империи не было, фактически была<sup>69</sup>. И отменили шпицрутенги совсем недавно, всего шесть лет назад. Плац-парадная площадь стала не нужна, здесь высадили деревья, превратив ее в парк.

Сашенька замолчала, искоса наблюдая за детьми. Тех рассказ и ужаснул, и встревожил: вдруг неспроста мать завела разговор про наказания? Догадалась, или Володя нечаянно проболтался?

Почву рискнула прощупать Таня:

– Мама, а вдруг Нина не поехала следом за нами в Кронштадт? Вдруг до сих пор ищет Володю на пристани?

– Нина – человек ответственный и, надеюсь, понимает, как я волнуюсь за нее.

---

<sup>69</sup> Княгиня Тарусова ошибается: за некоторые преступления, в том числе и военные, она была, но применялась до конца семидесятых годов XIX века очень редко.

– Мы тоже надеемся... Но я скоро сварюсь, – упавшим голосом сказала Татьяна.

– Скажи спасибо, что не позволила надеть тебе длинное платье, – заметила княгиня.

*Длинные до туфлей платья барышни начинали носить после шестнадцати. До того юбки прикрывали их ножки чуть ниже колен.*

Конечно же, четырнадцатилетняя Татьяна стеснялась выставлять напоказ панталончики и правдами-неправдами стремилась надеть свое единственное из розовой тафты<sup>70</sup> с оборками и рюшами<sup>71</sup> платье, пошитое для торжественных случаев.

– Мы же не будем здесь стоять целый день? Это глупо, – вступил в разговор Женя.

– Если ваша приятельница не приедет, пойдете гулять с Натальей Ивановной, а я вернусь в Ораниенбаум и пойду к Четыркиным домой, удостовериться, что Нина там.

– Нет, мама, – закричали дети хором.

– Это еще почему?

---

<sup>70</sup> Глянцевая плотная ткань полотняного переплетения из туго скрученных нитей шелка или хлопка.

<sup>71</sup> Рюш (*фр.* *guche*) – полосы материи или ленты, сложенные складками, примыкающими одна к другой для украшения женских платьев, мантилий, шляп, чепчиков и других частей туалета.



– Мы... Мы ее отпустили, – признался Женя.

– Отпустили? Вы? – Сашенька сделала паузу, чтобы почувствовали. – Позвольте узнать: на каком основании?

Молчание.

– Позвольте тогда узнать – куда?

– Не знаем, – выдавила из себя Татьяна.

– Нина сказала, что секрет, – с сожалением произнес Женя.

– Нина знает человека, который подтвердит алиби князя Урушадзе. Но не может назвать его имя, – снова вступилась Татьяна.

– Или ее имя, – добавил Женя.

Сашенька возликовала. Значит, не ошиблась. Нина знакома с женщиной, которую в ночь ограбления посетил Урушадзе.

– Вот мы и решили помочь, – заявил не без вызова Евгений.

– Едва не отправив меня в могилу, – укоризненно сказала Александра Ильинична.

Потом были слезы, извинения, нравоучения. В итоге Сашенька, конечно же, их простила, и они вместе отправились в Петровский парк. Оттуда уже с Володей и гувернанткой пошли в Андреевский собор, потом осмотрели домик Петра, лютеранскую и реформаторские церкви, etc...

Предложение пройтись по Рыбным рядам Татьяну возму-

тило:

– Фи, ненавижу запах рыбы.

– Нет там никакой рыбы, – рассмеялась Сашенька. – Рыбным рядом в Кронштадте именуют местный Гостиный двор. В отличие от нашего, петербургского, здесь гораздо больше иностранцев: купцов, шкиперов и матросов, потому все приказчики свободно изъясняются на английском, немецком и голландском.

После Рыбного ряда заглянули в крохотную деревянную церковь Святой Екатерины, затем отправились на Вал. Полюбовавшись панорамой, спустились в низину с забавным названием Палы. Дети с гувернанткой изрядно повеселились, обсуждая, кто именно здесь пал: шведская армия или дворник с крыши? Сжалившись, Сашенька объяснила, что слово Палы произошло от впалости, иначе – низменности.

Пройдя берегом, вышли к Петербургским воротам, где зимой начинается ледовая дорога на столицу. Путь туда неблизкий, сорок пять верст, поэтому на льду – он столь крепок – строят трактиры и даже постоянные дворы.

Детей поразил рассказ про буера:

– Они похожи на лодки, только к днищу прикреплены три железных полоза: два на полную длину, а третий, короткий, под рулем. Внутри лодки ставят мачту с парусами, а вокруг нее скамейки. Пассажиры садятся на них, матросы поднимают парус – и все, полетели. Говорят, буера способны преодолеть сорок пять верст до Петербурга за час с четвертью!

– Хочу на буера! – заорал Володя.

– И я! И я! – подхватили старшие дети.

– Ладно, так и быть, во время зимних вакаций, – пообещала Сашенька.

В гавани Володя начал капризничать. Шел туда, чтобы посмотреть на военные корабли, а их не оказалось – эскадра ушла в море. Зато рядом, в купеческой гавани, от судов рябило в глазах. Кронштадт – крупнейший торговый порт империи, за навигацию здесь успевают выгрузиться полторы тысячи кораблей. В столицу привезенные ими товары доставляют уже на мелких суденышках, способных пройти в мелководье Невы.

Вслед за Володей раскапризилась и Татьяна, тоже устала. Да и Евгений начал жаловаться, что ноги стер. Пришлось вести всех в Английскую гостиницу и поить чаем, ведь до отхода парохода оставалось добрых два часа.

Когда дети с наслаждением уплетали ромовые бабы, раздался знакомый голос:

– Разрешите?

Ребята повскакали с мест. Дедушка!

– Что ты тут делаешь? – спросила Сашенька, по-купечески прикоснувшись губами к его руке и подставив для поцелуя лоб.

Ответ был привычен:

– Дела. А вы что позабыли? Нешто Рамбов так быстро надел? Сюда, значит, перебрались?

– Нет, мы на экскурсии, – ответил Володя, не стесняясь набитого рта.

– Тогда оставайтесь на ночь. Сниму вам номер.

– Увы, – Сашенька развела руками. – Приглашены вечером к соседу, графу Волобуеву.

– Волобуеву? – удивился Илья Игнатьевич. – Не знал, что ты с ним знакома.

– Я и не была. Нас представили позавчера.

– И он тут же пригласил тебя? Странно.

– На дачах так принято, Волобуевы как раз по пятницам принимают.

– Давай-ка отсидим, – предложил отец.

Сашенька с отцом переместились в глубь зала.

– У меня с Волобуевым трения, – приватно сообщил Илья Игнатьевич.

– На какой почве?

– На финансовой, конечно. История малопонятная. Помнишь, я рассказывал, что заполучил концессию на строительство дороги в Малороссии?

– Помню, конечно.

– Граф Волобуев тоже на нее претендовал.



*В царствование Александра Второго длина железнодорожных путей каждый год прирастала на полторы тысячи верст!<sup>72</sup> Строили их частные подрядчики, однако государство предоставляло им кредиты под самый низкий процент, устраняло административные барьеры, а после сда-*

---

<sup>72</sup> Для сравнения: к началу царствования общая длина российских дорог не превышала тысячи верст.

*чи дороги передавала ее во временное пользование на выгодных условиях. Нетрудно догадаться, что за железнодорожные концессии шла ожесточенная борьба, ведь каждая из них гарантированно превращала счастливчика в миллионера. Так, например, неприметный юрист фон Дервиз заработал на строительстве дороги Москва – Козлов десять миллионов рублей<sup>73</sup> всего за два года.*

– Что странно, ведь моя победа заранее была согласована с «кальянщиками», – похвастался Илья Игнатьевич. – Поэтому никто из сильных конкурентов инда<sup>74</sup> не подал заявки.

*Император страдал запорами, во время поездки на Кавказ ему рассказали про местный способ ослабить кишечник – кальян. С тех пор каждый день после утренней прогулки Александр шел в нуржик, спускал штаны, садился на горшок и закуривал кальян. По другую сторону ширмы собирались особо доверенные лица, призванные развлечь монарха во время столь важного занятия: флигель-адъютанты, министры, генералы. А заодно решить важные государственные вопросы, в том числе и концессии. Хотя формально, конечно, проводились конкурсы, на которых сравнивалась стоимость строительства, проработанность проекта, опыт*

---

<sup>73</sup> В год окончания строительства этой дороги Россия продала Америке Аляску за двенадцать миллионов рублей.

<sup>74</sup> Даже.

*подрядчика и его инженеров, выигрывал концессии тот, кто мог договориться с завсегдатаями царского нужника.*

– А Волобуев подал. Я решил, что он просто дурак. Ну или за его спиной кто-то посильней «кальянной партии»!

– Кто, например? – поинтересовалась Сашенька.

– Графиня Долгорукая, любовница императора. Однако «кальянщики» заверили меня, что это не так. И не ошиблись, конкурс я выиграл. Однако через неделю получил письмо от графа с завуалированными угрозами. Мол, если не компенсирую ему расходов, получу неприятности. Я навел справки. Знаешь, что выяснилось? Волобуев – родственник прокурора Петербургского военного округа. Вроде и невелика птица, но нагадить может как бегемот. Пришлось мне встретиться с графом. Думал предложить ему тысяч сто, ну двести. А он затребовал миллион. Вот и не знаю: послать куда подальше или заплатить? А тут выясняется, ты к нему приглашена. Случайно ли?

– Конечно, случайно.

– А вдруг нет? Держи-ка ухо остро...

## Глава шестая

– Где вы договорились встретиться с Ниной? – спросила княгиня старших, выйдя с ними на верхнюю палубу подышать морским воздухом.

Володя неистовствовал в каюте, прыгая как макака вверх-вниз по кроватям. Приглядывать за ним оставили Наталью Ивановну.

– Нина будет ожидать нас на пристани, – сообщил Женя.

Отлично, там Сашенька ей и выскажет. Сразу! Без просмотра представления, которое, несомненно, заготовила дерзкая барышня.

А может, все-таки его поглядеть? И сперва притвориться, что поверила? Пусть Нина успокоится, расслабится, и вот тогда-то Сашенька и поставит ее перед дилеммой: либо пусть раскрывает личность любовницы Урушадзе, либо княгиня доложит Юлии Васильевне о ее выходках.

Да! Так Сашенька и поступит.

– Не говорите Нине, что я знаю про ваш заговор, – велела она детям.

Те понуро кивнули. Спорить не стали, стыдно было...

До случайной встречи с Ильей Игнатьевичем дело Урушадзе интересовало Тарусову из одного любопытства, но теперь, когда выяснилось, что на кону большие деньги, кня-



гиня решила заняться им всерьез. Сразу и новая версия появилась: а не инсценировал ли ограбление сам Волобуев? По словам Четыркиной, денег у графа нет, все вложил в некий проект, теперь понятно какой. А еще назанимал. Возможно, кредиторы стали нервничать, не исключено, что должушей<sup>75</sup> пригрозили... Кража облигаций, несомненно, дала графу передышку – при таких обстоятельствах самый бесчувственный ростовщик согласится на отсрочку.

Завидев Тарусовых на палубе, Нина запрыгала, захлопала в ладоши, а когда те спустились, схватила Володю, обняла, по щекам даже слеза прокатилась:

– Милый! Любимый! Как я волновалась. Все щели осмотрела, все углы obeжала. Всех-всех расспросила. Где ты был?

Володя ответить не успел.

– Мы тоже рады, Ниночка, что с тобой все в порядке, – поддержала ее игру Сашенька. – Но зачем ты сошла на берег?

– В поисках Володи. Одна дама сообщила, что видела мальчика в матроске, который сбежал вниз по сходням, громко рыдая, потому что потерялся. Я решила, что это Володя. Стала спрашивать матросов, которые проверяют билеты. Они отмахнулись, мол, не видели никакого мальчика. Но Володя ведь маленький, могли и не заметить, как шмыгнул мимо них. Потому и сошла, вдруг он к кассе вернулся? Но там его не оказалось. А обратно на пароход я не успела. Вот!

---

<sup>75</sup> Долговая тюрьма.

– И что дальше? Домой пошла?

– Нет, так на пристани и сидела. Пароходы встречала. Ведь не знала, на каком вернетесь.

– Почему домой не вернулась?

Нина покраснела и прикусила губу. Видимо, ответ на этот вопрос заранее не продумала.

Ан нет! Продумала! Просто ответ требовал смущения:

– Маман все утро прихорашивалась. Не хотела ей мешать, – сказала Нина Сашеньке на ушко, чтобы никто не слышал.

– Мешать чему? – ответила ей княгиня нарочито громко.

– Тише, неужто не понимаете? Я поехала в Кронштадт, Четыркин – на рыбалку, кухарка ушла на базар... Теперь понятно?

Сашенька в ярости чуть не сорвала с Нининой головы шляпку из английской соломки. Какая гадость, какая беспринципная изворотливость. Это ж надо – оклеветать родную мать.

– Не говорите ей, что знаете, – Нина молитвенно сложила ладошки. – Маман скрывает свой роман, ей будет неприятно, что я догадалась.

– Поговорим об этом позже, – отрезала княгиня.

Конечно же, Сашеньке хотелось высказаться здесь и сейчас. Но место для столь серьезного разговора было неподходящим – слишкомлюдно. Привокзальная площадь летом стихийно превращалась в базарную – окрестные колонисты

торговали здесь молоком и сметаной, мясом и овощами, ягодами и яблоками. Тут же продавали свой улов рыбаки.

Одна из их покупательниц, выбирая товар, вошла в такой раж, что перегородила Тарусовым путь:

– Что значит, не поймал? Ты ведь, козлиная борода, обещал, – укоряла баба в ситцевом фартуке парня в телогрейке и высоких сапогах.

– Темный ты человек, Маланья Сидоровна, хоть и кухарка. Разве сиги при восточном ветре клюют? Только при северном. А при восточном – одни ерши. На вон, посмотри, каких вытащил, – и рыбак сунул бабе оцинкованное ведерко с буквой «М», жирно выведенной масляной краской на боку.

– На кой мне ерши, Дорофей? Чай, не кота, барина кормить с супругой. А еще к ним сегодня племянник пожалуют. Из Ревеля. Телеграмму отбил.

– Так ершики да в сметане – благодать, – попробовал перубедить кухарку Дорофей.

– Тьфу! – произнесла в ответ Маланья и окликнула другого рыбака. – Силантыч! Силантыч! У тебя-то сиги есть?

– Только для тебя, Маланьюшка, – крикнул тот.

– У него дороже, – в отчаянии схватил покупательницу за фартук Дорофей.

– Зато завсегда. А у тебя лишь при северном ветре.

Расстроенный Дорофей повернулся к Сашеньке, терпеливо ожидавшей окончания перепалки:

– Барыня, купите, не пожалеете. Часа не прошло, как сказал, – и обиженно ткнул пальцем в сторону Маланьи. – Обещала закупать тока у меня, если скидку хорошую дам. Я поверил. На второй же раз обманула.

Сашенька плохо разбиралась в рыбе, но даже ей было понятно, что плескавшиеся в ведре три ерша с окунем и вправду годились разве что коту.

– Нет, спаси...

Договорить она не успела, опять закричала Маланья:

– За кого меня принимаешь? Сам жри вчерашнюю рыбу.

Дорофей улыбнулся:

– Я же говорил, сиги лишь при северном.

Сашенькин взгляд внезапно уперся в аптеку.

Господи! Как она могла забыть? «Рассчитаетесь, если может». А ведь помогло.

– Зайдем-ка, – решила она.

Нина почему-то скривилась, а Володя вдруг заныл:

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.